

Уильям Моррис



[129]

ИЛ 10/2018

Лес за пределами мира

Роман-сказка

Перевод и вступление ДАРЬЯ БЕРЁЗКО

Роман “Лес за пределами мира” (The Wood Beyond the World) считается одним из первых произведений, написанных в жанре фэнтези, а его автор, Уильям Моррис, — одним из основоположников жанра. И до Морриса в литературе действовали фантастические силы и описывались фантастические события, однако Моррис стал одним из первых авторов, кто перенес события в вымышленную эпоху вымышленного мира. Конечно, сам Моррис, когда писал “Лес за пределами мира”, не предполагал, что создает канон для нового жанра. Его целью была попытка воссоздать сказание эпохи Средневековья, которым он, писатель, общественный деятель, художник, близкий к прерафаэлитам, так восхищался.

Сюжет романа прост, в его основе — странствие идеального сказочного героя, фабула отчасти повторяет фабулу рыцарского романа, отчасти — волшебной сказки. Основная идея произведения тоже проста и не выбивается за рамки викторианской морали: добродетель побеждает, порок наказуем. Однако самое интересное в романе — это его язык. Моррис стилизует его под среднеанглийский, подражает стилю, в котором написан цикл рыцарских романов “Смерть Артура” Томаса Мэлори. У Морриса длинные, иногда в целый абзац, витиеватые предложения, синтаксические конструкции нанизываются, как бусины на нитку. И грамматика, и лексика предельно архаизированы. Моррис использует архаичные формы глаголов, местоимений, союзов, не говоря уже о средневековых эпитетах. Из синонимического ряда он все-

гда выбирает наиболее устаревший, редкий, сложный для восприятия. Современному английскому читателю читать Морриса не так уж просто. Но именно в этой сложности, витиеватости, искусственности, даже некоторой громоздкости текста и кроется его красота. Когда погружаешься в его ритм, роман начинает звучать удивительно плавно и поэтично, возникает иллюзия, что ты действительно слушаешь старинную сказку, дошедшую до нас из незапамятных времен.

“Лес за пределами мира” был недавно переведен и издан на русском языке. Переводчик, в ущерб передаче авторского стиля, стремится сделать роман легким для чтения, он разбивает длинные витиеватые фразы оригинала и строит свои фразы максимально просто, избегая сложных конструкций. В результате стирается ритм оригинального текста, его напевные интонации. Стилизация под Средневековье, которая была так важна для Морриса, в переводе отсутствует. Переводчик пользуется современным языком, старательно избегая архаизмов, и вместо иллюзии будто перед ним поэтичная стародавняя повесть, которая возникает у читателя оригинала, русскоязычный читатель получает современный пересказ этой повести, ее адаптацию. Это то же самое, что читать романы о рыцарях Круглого стола в детском изложении.

Приведу пример:

At last when he had wellnigh come back again to the Katherine, he saw there a tall ship, which he had scarce noted before, a ship all boun, which had her boats out, and men sitting to the oars thereof ready to tow her outwards when the hawser should be cast off, and by seeming her mariners were but abiding for some one or other to come aboard.

Вот как этот отрывок звучит в опубликованном переводе:

Наконец, уже решив возвратиться на борт “Катерины”, он увидел стоящий на якоре парусник, который ранее не привлекал его внимания. Этот корабль полностью был готов к отплытию: в лодках, спущенных на воду, гребцы только и ждали сигнала, чтобы принять канат и отбуксировать судно в открытое море, но, вероятно, кто то из путников или команды еще не поднялся на борт, и отплытие откладывали.

В таком переводе действительно легче воспринимается смысл текста, но Моррис-то писал иначе, он не стремился, чтобы чтение его произведений давалось легко. Перевод не передает ни особенности его синтаксиса, ни лексики, всего того, из чего складывается стиль автора. Более того, в переводе встречаются слова, для Морриса чужие, противоречащие авторскому стилю: “отбуксировать”.

Или другой пример:

Last of the three was a lady, tall and stately, so radiant of visage and glorious of raiment, that it were hard to say what like she was; for scarce might the eye gaze

steady upon her exceeding beauty; yet must every son of Adam who found himself anigh her, lift up his eyes again after he had dropped them, and look again on her, and yet again and yet again.

Перевод:

Последней из трех незнакомцев шла высокая величественная дама с таким ослепительным видом и в таких великолепных одеждах, что трудно было придумать, с чем сравнить ее красоту. Редкий человек мог остаться равнодушным к ее облику, и каждый из сыновей Адамовых, близ кого она проходила, опускал глаза, но лишь затем, чтобы поднять их вновь и посмотреть ей вслед.

Здесь, вдобавок, присутствует и смысловая погрешность. Тем, кто видел “даму” не просто “трудно было придумать, с чем сравнить ее красоту”, им вообще было трудно описать, как она выглядит, ибо была она так ослепительно хороша, что смотреть на нее было мучительно, и в то же время так прекрасна, что невозможно было оторваться от созерцания, — вот почему видевшие ее опускали глаза. Подобных погрешностей в переводе немало.

Предлагаем читателю “ИЛ” новый перевод “Леса за пределами мира” — тот далеко не частый случай, когда переперевод более чем оправдан.

Глава I. О Блестящем Уолтере и его отце

ДАВНЫМ-ДАВНО в славном приморском городе под названием Лэнгтон-на-острове жил один юноша. От роду ему было годов не более двадцати пяти, и был он хорош лицом, златовлас, высок и силен, скорее мудрее, чем глупее многих в его возрасте, а еще добр, отважен, говорил мало, но всегда обходительно, не кутил и не чванился, но всегда оставался миролюбивым и сдержанным, в бою нагонял страх на врагов и воодушевлял соратников. Отец его, с которым он жил, когда начиналась эта история, был важным купцом, богаче даже вельмож той земли, главой Голдингов — одного из славнейших родов в Лэнгтоне — и начальником порта; в народе прозвали его Бартоломею Блестящим, а его сына — Блестящим Уолтером.

Неудивительно, что юноша, наделенный такими достоинствами, слыл среди соотечественников счастливецом, у которого есть все, однако и ему выпал горький жребий, когда попал он в любовные сети к женщине неопишимо прекрасной, и женился на ней с ее, как казалось, добровольного согласия.

Но едва минуло полгода после свадьбы, как открылись ему явные знаки, что достоинства его не очень-то много для нее значат и что ее влечет к другому, во всем ему уступающему, и оттого он лишился покоя, возненавидел ее за ложь и за ненависть к нему, и все же, когда ее голос звучал в доме, его сердце замирало, вид ее пробуждал в нем желание, и он жаждал ее ласки и готов был простить ей за доброе слово все свои обиды. Но каждый раз при взгляде на него ее лицо менялось, она уже не скрывала ненависти, и как бы приветливо ни держалась с другими, с ним становилась она суровой и угрюмой.

Так все это продолжалось до тех пор, пока отцовский дом и самые улицы родного города ему не опостытели, и тогда пришло ему на ум, что мир велик, а он еще молод. И вот как-то днем пришел он к отцу, сел рядом с ним и молвил:

— Ходил я сегодня на берег, батюшка, смотрел, как корабли готовятся к отплытию, и видел знак твой на самом высоком корабле, который, сдастся мне, уже почти готов. Долго ли он еще будет ждать?

— Недолго, — ответил отец. — Тот корабль, имя ему “Катерина”, отчалит через два дня. Но почему спрашиваешь ты?

— Долгие разговоры, батюшка, ни к чему, поэтому скажу просто: я бы желал отправиться на сем корабле в чужие края.

— Да куда же, сын мой? — спросил купец.

— Туда, куда он поплывет, — молвил Уолтер. — Ибо тошно мне стало дома, как то тебе, батюшка, известно.

Некоторое время купец хранил молчание и пристально смотрел на сына, ибо сильную любовь питали они друг к другу, и, наконец, сказал:

— Что же, сын мой, быть может, это для тебя к лучшему, но быть может и так, что уж больше мы не свидимся.

— Но коли нам все же суждено свидеться, батюшка, к тому времени я стану иным человеком.

— Ну что ж, — молвил Бартоломью. — По крайней мере, мне ясно, кого винить в сей утрате, и, когда ты уйдешь — а неволить тебя я не буду, — она в моем доме не останется. И даже хуже поступил бы я с ней, ежели не началась бы тогда вражда между ее родичами и нашими.

Ответил Уолтер:

— Молю, не срами ее больше, чем должно, иначе тем самым посрамишь и меня, и себя заодно.

И снова Бартоломью некоторое время хранил молчание, затем вымолвил:

— Правда ли, что носит она дитя под сердцем, сын мой?

Уолтер покраснел и ответил:

— То мне неведомо, и от кого сие дитя — тоже.

Потом они оба сидели молча, пока Бартоломью не произнес:

— Скажу напоследок, сын мой, что сегодня понедельник и в среду до рассвета ты сядешь на корабль, а я тем временем позабочусь о том, чтобы ты ни в чем не нуждался; капитан “Катерины” — человек честный и верный и хорошо знает море; мой слуга, Роберт Низкоророжденный, который следит за грузом, надежен и мудр и не хуже меня разбирается во всех торговых делах. “Катерина” — судно новое и крепкое и должно быть удачливым, ибо названо в честь святой покровительницы церкви, где тебя крестили и меня до тебя и где, как ты ведаешь, покоится твоя мать и мой отец с матерью вместе с ней.

Засим поднялся старец и отправился по своим делам, и больше ничего не было сказано между ними по поводу отплытия.

Глава II. Блестящий Уолтер садится на корабль и отплывает в море

На следующее утро, когда Уолтер заглянул на “Катерину”, он встретил капитана Джеффри, который принял его почтительно, ободрил, показал ему его каюту и множество всякого добра, которое по велению отца уже привезли для него, хотя совсем немного прошло времени. Уолтер мысленно возблагодарил родителя за любовь, однако дела занимали его мало, и он стал коротать время на берегу, безучастно разглядывая корабли, разгружающиеся или готовящиеся к отплытию, да моряков и негоциантов, снующих туда-сюда — и все это казалось ему забавными сценками на гобелене.

Наконец, когда повернул он назад, в глаза ему бросился большой корабль, которого он раньше не приметил, корабль, готовый к отплытию: уже были спущены на воду шлюпки, и гребцы уже заняли свои места у весел, дабы вывести его в открытое море, едва отдадут швартовы, — казалось, моряки ждут лишь, когда некто взойдет на борт.

И вот стоял Уолтер, лениво рассматривая оное судно, как вдруг мимо него к трапу прошли какие-то люди. Трое их было, первый — карлик, темнокожий и безобразный, с длинными руками, огромными ушами и собачьими клыками, торчавшими у него изо рта, точно у дикого зверя. Был он облачен в богатое платье из желтого шелка, в руке держал изогнутый лук, а на поясе у него висел короткий меч с широким лезвием.

За ним шла юная девица, едва ли старше двадцати; стройна телом, лицом прекрасна, как цветок; глаза серые, волосы

каштановые, губы пухлые и пунцовые. Ее наряд был незатейлив: узкое зеленое платье, открывавшее ноги, дабы на правой лодыжке всякий мог ясно увидеть железное кольцо.

Последней из трех была леди в великолепном одеянии, высокая и статная, столь ослепительная всем своим обликом, что сложно было описать, как она выглядит, ибо едва ли мог взгляд смертного выдержать лицезрение сей несравненной красоты, и все же каждый сын Адамов, очутившийся перед ней, едва опустив глаза, раз за разом поднимал их, дабы взглянуть на нее снова и снова. То же случилось и с Уолтером, и, пока троица шествовала мимо, ему показалось, будто все вокруг исчезли, и он остался один на берегу, и некому было смотреть на них, кроме него одного. Вот они поднялись по трапу на корабль, и он видел, как они идут по палубе, а потом все трое зашли в кормовую рубку и скрылись с глаз.

Так и стоял он в оцепенении, пока мало-помалу не стал вновь различать людей, снующих вокруг; затем он увидел, как отдали швартовы и лодки потащили корабль к выходу из гавани под веселые возгласы гребцов. Потом матросы подняли парус, и попутный ветер наполнил его, когда нос корабля разрезал первую синюю волну открытого моря. Тотчас же развернулся флаг, изображавший восстающего волка и деву на зеленом поле, и так пошел корабль своим путем.

Долго стоял Уолтер, глядя туда, где раньше было судно, а теперь играли волны, потом посмотрел на “Катерину”; сначала намеревался он спросить капитана Джеффри, не знает ли тот чего об упомянутом корабле и чужеземцах на борту, но затем подумал, что все это ему лишь пригрезилось и лучше никому о том не рассказывать. Поэтому он покинул берег и побрел по лабиринту улиц к родительскому дому, но уже когда подходил он и увидел перед собой дверь, почудилось ему, будто выходит оттуда и спускается по ступенькам та троица: карлик, девица и величаява леди, — однако, пока он стоял и смотрел на них, ожидая их приближения — глядь! — все исчезло, остались лишь прекрасный дом Бартоломью Блестящего, детвора, игравшая возле крыльца с дворовой псиной, да с полдюжины прохожих, идущих мимо по своим делам. Тогда Уолтер совсем растерялся и больше не знал, что и думать, считать ли тех, кто взошел на борт корабля, детьми Адамовыми из плоти и крови или всего лишь порождением мечты.

Как бы то ни было, он вошел в дом и, найдя отца в его покоях, заговорил с ним о делах насущных; однако при всем том, что Уолтер любил отца и благоговел пред ним, как пред человеком мудрым и доблестным, едва ли отцовы слова доходили до его ушей в ту минуту, так сильно завладел его разумом образ той

троицы, и все время стояли они у него перед глазами, как будто написанные на стене искуснейшим художником. Особенно занимали мысли Уолтера загадочные женщины, и он не порицал себя за то, что предался желанию. Ибо он сказал себе, что желание его не в том, чтобы заполучить одну или другую, — не смог бы он определить, которая из них сильнее поразила его воображение, девица или же величаява королева, — а в том, чтобы увидеть их обеих снова, узнать, кто они и откуда.

Так тянулись часы до тех пор, пока не наступило утро среды, когда Уолтеру следовало попрощаться с отцом и покинуть родной дом; но отец проводил его на берег и взошел с ним на борт “Катерины”, где они обнялись, не без слез и тревожных предчувствий, коими наполнилось сердце Уолтера. Вскоре после того старец вернулся на сушу, а затем трап был убран, швартовы — отданы, лодки потянули корабль, взбивая веслами темную воду, парус поймал попутный ветер, и вот “Катерина”, перекатываясь на серых волнах, устремилась в туманную даль под флагом Бартоломео Блестящего: буквы Б и Б справа и слева, а над ними — крест и треугольник посредине.

Глава III. Уолтер получает вести о смерти отца

Весело шла “Катерина” по морям, и за то время ничего не приключилось, о чем стоило бы рассказать, ни с кораблем, ни с людьми на борту. Сначала в одном порту остановились они, потом в другом, а затем и в третьем, в четвертом; и везде они покупали и продавали по обычаям торгового люда, и Уолтер не только взирал на работу отцовых слуг, но и сам помогал, сколь мог, во всех делах: что в моряцких, что в купеческих. И чем дальше они плыли, чем больше времени шло, тем меньше терзали его мысли о жене и ее измене.

Что же до второй причины его терзаний, до охоты вновь повстречать тех троих — то не совсем она оставила его; и хоть не видел он их боле, как прохожих на улице, до которых можно при желании дотронуться, их образы все еще стояли у него перед глазами, однако с течением времени уже не так часто, не так неотступно; и воистину казался он самому себе и его окружающим человеком, исцелившимся от печалей.

И вот путешественники покинули четвертый город и вышли в море, и прибыли в пятый, большой и прекрасный; более семи месяцев минуло с их отплытия из Лэнгтона-на-острове, и к этому времени Уолтер уже находил удовольствие в

красотах большого города, такого далекого от его родины, и особенно любовался он женщинами, и желал их, и восхищался ими, по обыкновению молодых людей, но в меру.

Была та страна последней, куда предстояло зайти “Катерине”, поэтому провели они здесь месяцев десять в торгах и увеселениях, услаждая взор заморскими редкостями и пируя вместе с купцами, горожанами и селянами из-за городских стен, и Уолтер снова стал деятельным и веселым, как и положено молодому сильному юноше в его возрасте, и вел себя, как человек, который охотно пользуется заслуженным уважением своих людей.

Но к концу этого срока случилось так, что однажды, когда он выходил с постоялого двора, направляясь по делам своим на базар, и уже закрывал дверь, перед ним предстали три моряка в облачении, принятом у него на родине, и с ними некто по виду писец, в котором Уолтер узнал отцовского служащего, Арнольдом Скорописцем прозываемого, и лишь только Уолтер увидел его, сердце в нем дрогнуло, и он воскликнул:

— Арнольд, какие вести? Все ли ладно дома в Лэнгтоне?

Ответствовал Арнольд:

— Дурные вести привез я с собой, не все ладно в твоём доме, ибо должен поведать, что отец твой, Бартоломью Блестящий, мертв, упокой Господь его душу.

От слов сих стало Уолтеру так тяжело, словно все терзания, отпустившие его было, вернулись с новой силой и словно беззаботной жизни последних нескольких месяцев не существовало вовсе; и мнилось ему, будто зрит он отца, лежащим запертво на ложе, и слышит плач в их доме. Некоторое время он безмолвствовал, а потом воскликнул, точно в сердцах:

— Что ты такое говоришь, Арнольд? Умер ли он в постели и от чего? Ибо когда мы прощались, не был он ни стар, ни болен.

Ответствовал Арнольд:

— Через несколько дней после того как ты покинул нас, отец твой отослал жену твою обратно к ее родичам Реддингам без почета, но и без поругания, каково могло бы быть, без упрека тем из нас, кто знал вашу с ней историю, а это, упаси Господь, пожалуй что весь город.

Тем не менее Реддинги восприняли это как оскорбление и потребовали от нас, Голдингов, встретиться с ними, дабы уладить дело. На беду свою согласились мы ради мира в городе. Что ж дальше? Мы встретились в здании нашей гильдии, и там случился промеж нас разговор, и в разговоре том не обошлось без некоторых слов, не слишком любезных и не слишком робких. И едва прозвучали слова, как вслед за ними зазвенела острая сталь, и началась жестокая сеча! Двое на-

ших пали там и четверо их, и много было ранено с обеих сторон. Один из них — твой отец, ибо, как тебе самому должно быть ведомо, был он не в последних рядах среди сражающихся; но, несмотря на ранения — два в бок и одно в руку, — дошел он до дому на своих ногах, и мы уж было чаяли, что худшее позади. Увы нам! Жестокой была та победа, ведь через десять дней он скончался от ран. Упокой Боже его душу! Теперь, господин, ты, верно, догадываешься, что прибыл я не только поведать тебе об этом, но и передать послание от твоих родичей, дабы ты немедля возвращался со мной на быстром судне, доставившем сюда меня и мои вести; будь покоен, хоть быстрое оно и легкое, однако выдержит любую непогоду.

Тогда молвил Уолтер:

— Сия просьба ведет к войне. Вернусь я, и Реддингам тотчас станет известно о моем возвращении. Все ли готово к отплытию?

— Да, — ответил Арнольд. — Мы можем поднять якорь сегодня же или завтрашним утром — самое позднее. Но что гнетет тебя, господин, что глядишь ты так пристально мне за плечо? Молю тебя, не принимай все так близко к сердцу! Испокон века удел отцов — покидать сей бранный мир прежде их сыновей.

Но гневный румянец на лице Уолтера сменился бледностью, и он указал в ту сторону, куда смотрел, и воскликнул:

— Гляди! Ты видишь?

— Вижу что, господин? — спросил Арнольд. — Вот чудеса! Да это же обезьяна в ярком наряде, вроде тех, что водит жонглер. Нет, клянусь Богом! Это человек, хоть и уродливый, как сам дьявол. Да, а за ним прелестная девица, идет, как будто она его прислужница, и — глянь-ка! — прекраснейшая и благороднейшая леди! Да, вижу я; и, несомненно, она их хозяйка и принадлежит высочайшему роду в сем славном городе, ибо на лодыжке девицы заметил я железное кольцо — знак рабства у местного народа. Ох, глядите, господин, глядите!

— Что, что такое? — спросил Уолтер.

— Ах, господин, не должны они были так скоро скрыться с глаз, но вот их нет. Что случилось с ними, неужто сквозь землю провалились?

— Вздор! — воскликнул Уолтер, по-прежнему глядя мимо Арнольда. — Они зашли в какой-то дом, покуда отвел ты от них свой взгляд на мгновение.

— Нет, господин, — отвечал Арнольд. — Ни на единый миг не сводил я с них глаз.

— Что ж, — промолвил Уолтер с непонятным раздражением. — Они ушли, да и что нам за дело до подобных забав, нам, с нашей скорбью и распрей, в которую вовлечены мы?

Засим вернулся он в дом, а остальные отправились своей дорогой, но Уолтер долго сидел один в своих покоях, размышляя над случившимся. Порою решался он больше не вспоминать о той троице, но возвратиться в Лэнгтон, вступить в усобицу и положить ей конец или умереть самому. Но всякий раз, когда готов он был с твердостью принять сей жребий и на сердце его становилось легко, он вдруг ловил себя на том, что больше не думает о Реддингах и о вражде с ними, словно это дела минувшие и законченные, а думает он вместо того и пытается изобрести способ, как бы ему узнать, в какой земле обитают те трое. А потом снова гнал он прочь мысли сии, говоря себе, что то, что видел он, есть не более чем плод больного воображения мечтателя. Но далее он думал: “Да, а разве Арнольд, который тоже их видел, мечтатель? Ведь он ничуть к тому не склонен. — Затем думал он так: — И все же я весьма доволен, что это он заговорил со мной об их наружности, а не я с ним, ибо так я хотя бы знаю, что узрел нечто, не выросшее из одного лишь моего воображения. Однако ж зачем мне следовать за ними, и чего достигну я этим, и, воистину, как мне приступить к этому?”

Таким образом, обдумывал он сей вопрос снова и снова, пока наконец, видя, что, хоть и не отдаляется от ответа, но и не приближается к нему, не почувствовал усталость, и тогда он поднялся, велел собрать свои пожитки и подготовить все к отплытию, и так минул день и минула ночь, а на заре явился Арнольд, дабы отвести его к их судну, “Бартоломью” называвшемуся. Не мешкая нимало и попрощавшись лишь с немногими, взошел Уолтер на борт, и через час они уже были в открытом море, развернув корабль к Лэнгтону-на-острове.

Глава IV. “Бартоломью” попадает в бурю и сбивается с пути

И вот почти месяц резво шел “Бартоломью” на северо-запад с попутным ветром, и все было хорошо и с кораблем, и с людьми на борту. Потом как-то вечером ветер стих, и судно едва ли двигалось вперед, хоть и качалось на волнах столь огромных, что казалось, будто сам океан колеблется из стороны в сторону. Более того, на западе повисла в мареве исполинская туча, хотя все прошедшие двадцать дней небо было чисто и лишь редкие белые облачка проплывали по ветру. И вот капитан, человек искусный в своем ремесле, долго вглядывался в море и небо, а потом повернулся и велел морякам убрать паруса и быть наче-

ку. И когда Уолтер спросил его, что он там высматривал и по какой причине не говорит ему, тот отвечал сердито:

— Зачем мне говорить тебе, если всякому дураку без слов ясно, что погода портится?

И так они стали ждать того, что должно было последовать, и Уолтер ушел в каюту, дабы забыться сном на это беспокойное время, ибо наступала ночь; и более он ничего не видел и не слышал, пока не разбудили его звон людских голосов, свист хлещущих веревок, оглушительное хлопанье парусов и к тому же сильная качка. Но, будучи юношей стойким, он остался лежать в каюте, отчасти потому, что жизнь провел на суше и не хотел пугаться под ногами у моряков и мешать им, и вдобавок он сказал себе: “Какая разница, отправлюсь я на дно морское или вернусь в Лэнгтон, коль в любом случае и жизнь, и смерть мои препятствуют исполнению моего желания? Все же вышло бы славно, кабы ветер переменялся, ибо тогда нас отнесло бы к иным землям, и нам пришлось бы, по меньшей мере, задержаться на пути домой, а за это время мало ли что могло бы случиться. Так что пусть все будет как будет”.

Поэтому вскорости, невзирая на качку и на буйство волн и ветра, он вновь заснул и более не просыпался, покуда не занялся день и капитан не предстал перед ним в дверях каюты, мокрый с головы до ног. Молвил он Уолтеру:

— Доброго тебе утра, юный господин! Ибо благосклонностью судьбы пережили мы ночь. Теперь скажу я тебе, что мы отчаянно пытались плыть против ветра, дабы не сбиться с пути, но все усилия были напрасны, и потому последние три часа ветер гонит нас; однако ж, милостивый государь, так свирепо бушевали волны, что, если бы не прочность нашего корабля и не сноровка наших людей, нам всем пришлось бы познакомиться с подводным царством. Хвала святому Николаю и угодникам! Ибо хоть нам и предстоит узреть новое море и, быть может, новую землю в придачу, все же это лучше, чем взирать на морское дно.

И Уолтер облачился в одежды для непогоды, и поднялся на шканцы, и увидал, что дни поистине переменялись, ибо море было темно и вздымалось горой, с которой низвергались белые барашки пены, и над всем этим низко летели тучи, тянувшие за собой пелену дождя, и корабль, хоть и под одним лишь обрывком паруса, неся по ветру, кренясь с борта на борт на могучих волнах.

Так стоял и смотрел на все это Уолтер некоторое время, держась за канат, и говорил себе, что это хорошо, что они плывут столь быстро навстречу неизвестности.

Потом подошел к нему капитан и, хлопнув по плечу, промолвил:

— Ну, друже, взбодрись! Возвращайся теперь вниз, съешь мяса и распей со мной чашу вина.

И Уолтер спустился, и ел, и пил, и на сердце у него было легче, чем когда бы то ни было, с тех пор как услышал он о смерти отца и об усобице, ждавшей его дома, которую он поистине полагал преградой его странствиям на долгое время, а, стало быть, и его мечтам. Но теперь ему казалось, будто должен он странствовать, хочет того или нет, и даже эта мысль питала в нем надежду: так отчаянно цеплялось его сердце за желание найти обиталище тех троих, что словно бы призывали его.

Глава V. И вот они пристают к земле неведомой

Три дня шел корабль по ветру, а на четвертый тучи рассеялись, выглянуло солнце и море присмирело; но ветер все еще дул, хоть и тише, и к тому же встречный, если плыть на Лэнгтон. И тогда капитан возвестил, что раз они заблудились и ветер не в их сторону, то лучше будет идти, как шли, дабы посмотреть, не встретится ли им какая земля и не удастся ли узнать, где они, от местных жителей. И добавил, что, по его суждению, земля уже недалече.

И так минуло три дня, а в канун четвертого человек на мачте закричал, что зрит впереди землю; и, прежде чем село солнце, они все ее узрели, хоть и казалась она лишь далеким облачком с ладонь.

Когда наступила ночь, не стали они спускать паруса, но плыли вперед прямо и быстро, ибо стояло раннее лето, и ночи не были ни темны, ни долги.

При свете дня предстала их взору земля — длинная полоса гор и более ничего, насколько хватало глаз. Тем не менее, пока они с течением дня подплывали все ближе, горы отступили от берега и теперь выглядывали из-за стены отвесных утесов, а приблизившись еще, увидали они зеленую равнину, поднимавшуюся пологими, покрытыми травой склонами к подножию той стены.

Ни города, ни гавани они не заметили, даже когда подошли совсем близко; но поскольку истосковались они по тверди земной под ногами после всех качек и волнения морского и не сомневались, что найдут на равнине у подножия, по меньшей мере, свежую пресную воду, а может, и что иное, чем поживиться, то плыли вперед не без веселости, и вот к ночи был брошен якорь на глубине пяти морских саженей у самого берега.

На следующее утро они обнаружили, что стоят неподалеку от устья небольшой реки; тогда спустили они лодки и на лодках ввели корабль в оную реку, и, когда поднялись они с милою вверх по течению, нашли воду уже пресной, ибо слабые были приливы и отливы на том побережье. Река стала глубокой и чистой и потекла меж ровных травянистых лугов. Еще увидали они по левому борту, как три коровы пасутся, словно на каком-нибудь выгоне у них на родине, да стадо овец; а позже, на расстоянии полета стрелы от берега, увидали они деревянный домик с соломенной крышей, окруженный плодовыми деревьями, у подножия лесистого холма. Не слишком подивились они тому, ибо не ведали причины, по которой земля сия не должна быть заселена, хоть и находилась она вдали от остального мира. Однако ж они подтянули корабль к берегу с намерением отыскать здесь пристанище хотя бы на какое-то время, разузнать вести да отдохнуть на зеленой равнине, столь прелестной и приятной взору.

Но пока они были тем заняты, из дома показался человек и стал спускаться к реке, дабы их встретить, и тогда увидали они, что он высок и стар, с седыми волосами и бородой и облачен в звериные шкуры.

Он приблизился безо всякого недоверия и боязни, а приблизившись, обратился к ним с приветствием добрым голосом. Капитан поприветствовал его в ответ, а затем спросил:

— Не король ли ты сей страны, старче?

Засмеялся старец и молвил:

— Король, ибо нет здесь другого сына Адамова, чтобы возразить мне.

— Ужель один ты живешь? — спросил капитан.

— Да, — отвечивал старец. — Помимо меня тут лишь полевое и лесное зверье, да ползучие гады, да птица. А потому сладко мне слышать ваши голоса.

Спросил капитан:

— Где найти нам город?

Снова засмеялся старец. Молвил:

— Когда я сказал, один я, то подразумевал, что я один во всей земле, а не только в сем хозяйстве. Не найдете вы жилья, кроме этого, от моря и до медвежьих селений, что лежат далеко за вон теми утесами.

— Разве медведи твоей страны так похожи на людей, что обитают, как люди, в жилищах? — вопрошал капитан, ухмыляясь.

Старец покачал головой.

— Сэр, — молвил он, — что до телесного их строения, то оно всецело человеческое, только выше они и крупнее, чем большинство. Ибо медведи они лишь по прозванию, а на самом де-

ле — целый народ полудикарей, ибо, как они мне сами рассказывали, их много больше, чем то племя, что я видел, и за теми горами повсюду с востока до запада их поселения. Что же до их душ и воззрений, сэр, то это для меня потемки, ибо язычники те медведи, не верующие ни в Господа, ни в святых, хоть слышал я от них, будто они истово поклоняются одной женщине. Порой их люди приходят сюда и берут, что я могу отдать: теленка иль двух, либо полдюжины ягнят да молодых барашков, либо мех вина или сидра моего собственного изготовления, а взамен приносят мне разные нужные вещи: медвежьи, заячьи или иные шкуры, ибо стар я стал и с трудом могу охотиться. Иногда приносят они еще кусочки чистой меди и приносили бы мне и золото тоже, но от него мало проку в сей одинокой земле. Хотя, по правде, со мной они никогда не вели себя ни высокомерно, ни грубо, все же рад я, что были они здесь недавно и вряд ли вернутся в скором времени, ибо нрав их ужасен, и, так как вы чужеземцы, маловероятно, что они приняли бы вас с миром, тем более вы владеете оружием и другими предметами, которые возжелали бы они забрать себе.

Спросил капитан:

— Раз уж торгуешь ты с сим диким народом, не сторгуешься ли и с нами? Ибо проделали мы долгий путь и стосковались по свежей пище, а у нас, в свою очередь, на борту есть вещи, которые тебе пригодятся.

Отвечал на то старец:

— Все, что имею я, — ваше, оставьте лишь мне на прокорм до следующего сбора; вина и сидра, какого ни есть, у меня вдоволь, можете пить, пока не закончится, коль пожелаете; есть зерно и мука, но немного, однако вы ешьте покойно, ибо на пашне уже отцвели новые колосья и в кладовой хранятся другие припасы. Сыры есть и сушеная рыба, возьмите, сколько потребуется. Что же до коров моих и овец, то коли у вас сильная нужда в них, берите, я не осмелюсь сказать вам нет, однако моллю, коль можете обойтись без них, оставьте мне моих дойных коров и их приплод, ибо, как я уже говорил, медведи были здесь совсем недавно и унесли с собой все, что я мог отдать, но позвольте сказать, ежели изволите вы мяса, то здесь на равнине и в рощах у подножия тех утесов водятся олени и лани, почти непуганы они, ибо раз я не в силах поймать их, то им нестрашен, а других охотников они здесь не видали, потому как медведи приходят прямо к моему дому и возвращаются назад, не останавливаясь. Но вас я отведу к ближайшему месту, где легче всего добыть оленины. Что ж до вещей с вашего корабля, то коль дадите мне что, я приму с благодарностью, в особенности ежели найдется у вас крепкий нож либо свиток льна,

что было бы мне приятной обновой. Но в любом случае вы вольны брать, что пожелаете, из моего добра безвозмездно.

Засмеявшись, промолвил капитан:

— Друже, горячо благодарны мы тебе за все, что нам предлагаешь. И знай, мы не какие-нибудь морские разбойники и не станем отбирать у тебя насущное. Завтра, ежели соблаговолитишь, мы отправимся с тобой и поднимем дичь, а пока же сойдем на берег, прогуляемся по зеленой траве да нагрузим корабль свежей пресной водой.

И старый муж возвратился в дом, дабы собрать им, каких мог, кушаний, а путники — двадцать один их было общим числом, с моряками, Арнольдом и слугами Уолтера — сошли на берег, все, кроме двух, кого оставили сторожить корабль и дожидаться своей очереди. Оружие свое они взяли с собой, ибо и капитан, и Уолтер почитали мудрым держаться осмотрительно на случай, ежели все окажется не так хорошо, как выглядело на первый взгляд. Еще взяли они с собой на берег паруса и натянули их на лугу между кораблем и жилищем, и старец принес им подкрепиться свежих плодов, и сыров, и молока, и вина, и сидру, и меду, и стали они пировать да веселиться.

Глава VI. Старец рассказывает Уолтеру свою историю; Уолтер видит расщелину в утесах

Но когда все наелись и напились, капитан с моряками отправились пополнять запасы питьевой воды, а остальные разбрелись кто куда по лугу, и потому остался Уолтер наедине со старцем, и заговорил он с ним, и молвил:

— Мнится мне, отец, будто странную историю мог бы ты поведать, а все ж не спрашивали мы тебя ни о чем, кроме пищи для наших животов; коль теперь я спрошу о жизни твоей и о том, как пришел ты сюда и как поселился здесь, расскажешь ли мне?

Улыбнулся ему старый муж и отвечивал:

— Сынок, длинна моя история, и память моя уже не та, что прежде, и есть скорбь в ней, которую не желал бы тревожить, но все же, коли хочешь ты знать, отвечу я, как смогу, и скажу одну лишь правду.

Спросил Уолтер:

— Давно ль ты уж здесь?

— О да, — отвечал старец, — с самой юности, когда был я доблестным рыцарем.

Спросил Уолтер:

— А сей дом, ты ли построил его, и засеял пашню, и насадил плодовые деревья да лозу, и собрал коров да овец, или кто-то другой — для тебя?

Отвечал муж:

— Не моих рук это дело, жил здесь один до меня, и я унаследовал за ним сие хозяйство, словно благородное поместье с замком и полными складами припасов.

Спросил Уолтер:

— Застал ли ты своего предшественника в живых, когда появился здесь?

— Да, — отвечал старец, — но недолго он прожил, с тех пор как пришел я сюда, — помолчал он немного, а затем вымолвил. — Убил я его, он меня вынудил, хоть и желал я ему лучшей доли.

Спросил Уолтер:

— По своей ли воле пришел ты?

— Может статься, — отвечал муж. — Кто знает? Нет у меня больше воли делать то или иное. Живу лишь по обыкновению.

Спросил Уолтер:

— Скажи, за что убил ты того человека? Навредил ли он тебе чем?

Отвечал старец:

— Когда убивал его, верил, будто наносит он мне тяжкий вред, однако сейчас знаю, что был неправ. Так это вышло: нужда мне была попасть в одно место, где он побывал меня прежде, а он стоял на пути, и я поверг его, и пошел дальше.

— И что случилось потом? — спросил Уолтер.

— Худое случилось, — отвечал муж.

Тогда Уолтер погрузился в молчание, и старец тоже ничего не говорил, только показалась на его губах улыбка, одновременно хитрая и печальная. Уолтер посмотрел на него и промолвил:

— Отсюда ль ты начал свой путь?

— Да, — отвечал старец.

Спросил Уолтер:

— Не поведаешь ли мне, какова из себя та дорога, откуда начинается и куда ведет, по которой идти тебе столь сильная нужда была, хоть и первым шагом своим преступил ты чрез мертвого?

— Не скажу то тебе, — отвечал муж.

Затем они оба умолкли, а потом перешли к разговору о вещах незначительных.

И так тянулся день, покуда не наступила ночь, которую провели они в мирном сне, а наутро, после трапезы, решило большинство из них отправиться со старцем на охоту, и тогда пошли они, все вместе, к зарослям терновника и орешника, среди которых то тут, то там вставали дубы да клены, у подно-

жия утесов в трех часах ходьбы от дома, где, по словам старца, водилось больше всего олений с нежнейшим мясом.

Об охоте той нет нужды рассказывать, кроме того, что старый муж, после того как показал охотникам олений след и рассказал, что делать, повернул обратно вместе с Уолтером, у которого душа сейчас лежала не к ловле зверя, а к тому, чтобы побеседовать еще с тем старцем. Тот, в свою очередь, казался склонен к беседе и повел Уолтера на взгорок посреди равнины, откуда видны были все окрестности, кроме участков, покрытых лесом, но не было лесов между взгорком, где они легли на траву, и утесами, один лишь низкий кустарник, и Уолтер заметил, что повсюду, кроме того места, что было прямо перед их глазами, утесы казались почти или совсем отвесными, или даже нависали над равниной, а в упомянутом месте они как будто просели и расступились, и оттуда спускался к равнине пологий каменистый склон. Так долго и пристально смотрел туда Уолтер, погрузившись в молчание, что старец воскликнул:

— Да ты, сдастся, нашел нечто, завладевшее твоим вниманием. Что там такое?

Откликнулся Уолтер:

— Может показаться, что там, где утесы ниже и спускаются полого, находится проход на ту сторону.

Улыбнувшись, молвил муж:

— Верно тебе кажется, сынок, ибо там лежит перевал в страну медведей, откуда те люди-исполины приходят торговать со мной.

— Ясно, — ответствовал Уолтер, и вслед за тем, повернувшись, стал исследовать каменную стену и заметил, что за несколько миль от перевала она круто поворачивает к морю, сужая равнину, и образует излучину, смотревшую почти на север, а не на запад, как остальные утесы. И там, посреди сей на север глядевшей излучины, было темное пятно, которое Уолтер счел расщелиной. Ибо в целом стена была серой и голый, и мало на ней было складок.

И тогда молвил Уолтер:

— Гляди, старый друг, вон там снова место, похожее на проход; куда ведет он?

И он указал в ту сторону, однако старец, вместо того чтобы проследить за его указующим перстом, опустил взор долу и отвечал смущенно:

— Может статься, и проход, о том не ведаю. Думается мне, он тоже ведет в страну медведей, но кружным путем. В дальние края ведет он.

Ничего не сказал на то Уолтер, ибо чудная закралась ему в голову мысль, будто старец знает гораздо больше, чем готов

поведать, о той расщелине, и будто ему, Уолтеру, самому нужно пройти по ней, дабы найти загадочную троицу. Дыхание его участилось, и сердце заколотилось о ребра, но он хранил молчание, а когда наконец заговорил, голос его был столь сдвлен, что он едва узнал его:

— Заклинаю тебя Господом Богом и всеми святыми, скажи, отец, в той ли расщелине лежит дорога, по которой первым шагом своим должен был ты преступить через мертвого?

Поначалу старец безмолвствовал, а потом поднял голову, посмотрел прямо в глаза Уолтеру и отвечал ровным голосом:

— Нет, не в той.

И после того сидели они, глядя друг на друга, пока Уолтер не отворотил взгляд свой, но больше не ведал он, ни что перед ним, ни где он, но пребывал, словно в забытии. Ибо знал он точно: лжет ему старый муж и мог бы ответить “да” вместо “нет” и сказать, что сие есть та самая расщелина, где он преступил через мертвого. Тем не менее Уолтер взял себя в руки и сделал вид, сколь было ему по силам, что верит, и заговорил об иных вещах, не касающихся тайн сей земли. Но какое-то время спустя молвил он вдруг:

— Господин мой, есть у меня одна дума.

— Да, и какая же? — спросил муж.

— А вот какая, — отвечал Уолтер. — Полна сия земля чудных приключений, и ежели мы, и я в особенности, повернемся к ним спиной и поплывем на родину, жалеть о том мы будем все отпущенные нам дни, ибо жизнь там сера и нет в ней места подвигу. Думаю я, пошло бы нам на пользу пуститься в приключение.

— О каком приключении молвишь ты? — спросил старец, приподнявшись на локте и смерив его строгим взором.

Отвечал Уолтер:

— Отправиться через тот перевал на восток, в страну медведей, откуда приходят к тебе сии люди-исполины.

Обратно лег муж, и улыбнулся, и молвил, покачав головой:

— Известно, что выйдет из такого приключения: смертью закончится оно, сынок.

— И почему же? — спросил Уолтер.

— Схватят тебя медведи и принесут в жертву той женщине, своему идолищу. А ежели вы все отправитесь, то так поступят они со всеми вами.

Спросил Уолтер:

— Уверен ли ты?

— Бесконечно уверен, — отвечал муж.

— Откуда ведаешь? — спросил Уолтер.

— Был я там и сам, — отвечал муж.

— Да, но вернулся оттуда целым и невредимым, — молвил Уолтер.

— А в том ты уверен? — спросил муж.

— Ты до сих пор жив, старче, — отвечал Уолтер. — Ибо видел я, как поглощаешь ты пищу, что призраки делать несклонны, — и он засмеялся.

Однако промолвил старец серьезно:

— Коли выжил я, то потому лишь, что спасла меня иная женщина, а такое нечасто случается. И не остался я невредим, хоть тело мое воистину спасено. Но что с душой моей? Что с моим сердцем и что с моей жизнью? Так тебе советую, юноша, не пускайся в сие приключение, но ступай домой к своим родичам, коли можешь. Тем более отправишься ли ты в путь в одиночку? Остальные воспрепятствуют тебе.

Отвечал Уолтер:

— Я — хозяин; остальные сделают, как я велю; к тому же не откажутся они разделить мое добро, коли дам им письмо, подтверждающее, что не свершали они ничего из того, что могут поставить им в вину.

— Сынок! Сынок! — воскликнул старец. — Молю тебя, не ходи навстречу смерти!

Уолтер выслушал его молча, но как человек, который не намерен уступать, и тогда старец сдался и поведал все, что знал о медведях и их обычаях, но Уолтер едва ли внимал его словам, ибо верил он, что не придется ему иметь дело с сими дикарями, и не осмеливался вновь спросить о земле, в которую ведет второй путь.

Глава VII. Уолтер идет к расщелине

И вот, беседа так, услышали они, как охотники все разом затрубили в рога, и тогда старец поднялся и произнес:

— Судя по звукам, охота завершена и теперь они созывают товарищей, рассыпавшихся по лесу. Уже должно быть пять часов пополудни, вскоре люди твои вернуться с олениной и захотят отведать своей добычи, а потому поспешу-ка я, разжечь огонь, принести воду и приготовить все для стряпни. Пойдешь ли со мной, юный господин, иль дождешься своих людей здесь?

Ответил Уолтер небрежно:

— Останусь я здесь и подожду их, коль никак не упустить мне их из виду, когда пойдут они обратно к твоему дому. И хорошо, может статься, что буду я с ними, дабы усмирить их и навести порядок, ибо грубоваты бывают они порой, а сейчас к тому же разгорячены охотой и лесным воздухом.

Так говорил он, точно и не ждал ничего, кроме ужина и постели, а между тем в душе его боролись надежда со страхом, и вновь его сердце билось столь сильно, что казалось ему, непременно должен старец услышать. Однако старый муж будто бы не заметил, что скрывается под его внешним спокойствием, и, кивнув, тихо побрел по направлению к дому.

Когда он отошел, Уолтер поднялся опасливо; была у него при себе дорожная сумка с сыром и сушеной рыбой и фляга вина, а еще короткий лук да колчан со стрелами, и висел на поясе добрый меч да нож вдобавок. Оглядел он, все ли ладно с его снаряжением, а затем стал быстро спускаться с пригорка и, спустившись, обнаружил, что тот укроет его от взора людей, выходявших из лесу, коли направится он напрямиком к расщелине в утесах, где лежал проход на ту сторону.

Туда-то он и направился, и шел сторожко, на случай ежели старец обернется и увидит его или ежели кто из его людей набредет на него, отбившись от остальных.

Ибо, правду говоря, Уолтер полагал, что, коли найдут его, непременно попытаются отговорить от этой затеи. Он запомнил очертания утесов близ расщелины, и, покуда видно ему было их вершины отовсюду, кроме как из-под сени деревьев, мог он идти, не опасаясь заблудиться.

И нечего рассказать о его пути, кроме того, что на закате достиг он расщелины и немедля вошел в нее. Была она всего лишь разломом в скале, к которому вел не гладкий пологий склон, а каменная круча; труден был подъем, но преодолим при должном усилии, и, когда он вскарабкался и очутился в самом проходе, счел его вполне сносным: казался он немногим хуже грубой тропы меж двух каменных стен, и посредине бежал ручеек. И двинулся Уолтер дальше, хотя наступала ночь, и шел еще долго, после того как стемнело. Ибо вскоре выглянула луна и осветила дорогу. Но в конце концов проделал он такой длинный путь и так утомился, что решил: мудрее будет отдохнуть до утра, и прилег на траву меж камней, поел немного да испил воды из ручья. И ежели и тревожили его грядущие опасности, усталость взяла свое и вскоре он заснул так же безмятежно, как и любой его земляк в Лэнгтоне-на-острове.

Глава VIII. Уолтер пересекает пустошь

Когда он проснулся, было раннее утро; не тратя времени даром, он нагнулся к ручью, дабы умыться и испить воды, а потом снова тронулся в путь. Стоял тихий погожий день, небо было безоблачно, и он двигался напрямиком на юг, сверяясь по

солнцу. Так шел он до самой ночи и не видел никаких перемен на могучем перевале, кроме того что дорога временами взбиралась положе, а временами круче. Незадолго до наступления темноты встретилось ему озерцо ярдов в двадцать, и рассудил он, разумнее будет остановиться здесь, где есть вода, хотя можно было бы еще пройти при тающем дневном свете.

Когда снова наступило утро, он проснулся, поднялся и, не тратя много времени на завтрак, пустился дальше как можно быстрее, и сказал себе, что какие бы опасности ни лежали у него на пути, теперь, по крайней мере, его не нагонят собственные люди.

Все это время не попадалось ему никакого четвероногого зверья, разве что лиса, да один раз чужеземного вида заяц, и из птиц две-три вороны, длиннокрылый сокол да дважды орел в вышине.

И снова, уже третью ночь, провел Уолтер посреди каменистой пустоши, которая все поднималась и поднималась. Только к концу следующего дня ему почудилось, будто подъем стал не таким крутым, в остальном же ничто не изменилось: повсюду, сколько хватало глаз, простирался бесконечный перевал, и не видать было, что за его пределами. На эту четвертую ночь не нашел он воды, подле которой мог бы остановиться, и потому проснулся с пересохшим горлом, едва лишь занялась заря.

Но на пятое утро земля почти совсем выровнялась, и, наконец, около полудня, когда он совсем обессилел от долгого пути и от жажды, перед ним показался источник, бьющий из-под скалы, из которого мелким ручейком бежала вода. Так изнывал он от жажды, что поначалу не видел ничего, кроме источника, однако когда напился вдоволь, то заметил ручей, берущий из него начало, и тут издал возглас радости, ибо — о чудо! — ручей тек на юг. И потому пошел он дальше с веселием на сердце и, пока шел, встречал другие ручьи, все текущие в южную сторону. Он припустил вперед, но, несмотря на спешку и на то, что земля теперь клонилась под ногами, ночь застала его все в той же пустоши. И вот когда вынужден был остановиться от усталости, он улегся в неглубокой (как показалось ему при лунном свете) ложине с гребнем по южному краю.

Долго спал Уолтер, а когда проснулся, солнце стояло уже высоко на небе, и не случалось еще на земле ярче и свежее утра, чем это. Он поднялся, и перекусил теми скудными запасами, что у него еще оставались, и испил воды из ручья, вдоль которого шел накануне и у которого заснул, а затем снова тронулся в путь, не питая большой надежды, что сегодня многое переменится. Однако когда он шел уже некоторое время, почудилось ему нечто новое в воздухе, был воздух мягок и полон

сладких ароматов, тогда как ранее, особенно три-четыре дня назад он был сух и лишен жизни, словно в пустыне.

И так шел он дальше, и, наконец, стал взбираться на упомянутый гребень, и, как часто случается с теми, кто карабкается на крутизну, опустил глаза долу, пока не почувствовал, как добрался до вершины. Тогда остановился он перевести дух, и поднял голову, и взглянул, и — о чудо! — он стоял на самом краю испанского перевала, и от него вниз уходили склоны, не медленно и гладко, как те, по которым он взбирался несколько дней, но быстро и круто, хоть и мало среди них было обрывов да отвесных скал. А дальше, за пределами пустоши, лежала чудесная земля с лесистыми холмами, зелеными полями и ложбинами, тянувшимися без конца и без краю, а за всем этим голубые под снежно-белыми вершинами вставали горы.

Глава IX. Уолтер встречает первого из той троицы

Преодолевая то одно препятствие на пути, то другое: или отвесный обрыв, который приходилось огибать, или склон, столь крутой, что он не осмеливался по нему спускаться, или непроходимая топь — Уолтер лишь через три дня окончательно покинул каменистую пустошь, и к тому времени, хоть и не испытывал он недостатка в воде, скудные припасы его все вышли, как ни старался он их беречь. Но это его мало тревожило, ибо полагал он найти внизу дикие плоды и подстрелить косулю, или кролика, или зайца, а после как-нибудь добычу приготовить, потому как были у него при себе и трут, и кремь. Более того, чем дальше шел он, тем увереннее становился, что вскорости набредет на жильё: столь прекрасной и обильной казалась земля впереди. Почти не ведал он страха, перед тем лишь только, что повстречает людей, которые обратят его в рабство.

Но когда перешел он наконец границу, с которой начиналась зелень, его охватила такая усталость, что он сказал себе: лучше отдохнуть, чем искать пищу, ибо совсем мало довелось ему спать последние три дня; и вот он лег у ручья под ясенем и, не посмотрев, сколько времени, сразу же заснул, и даже когда пробудился, не хотелось ему вставать, и так он лежал меж сном и бодрствованием еще часа три, затем встал и пошел дальше вниз по зеленому кособору, но медленно, ослабев от голода. И запахи той прекрасной земли казались ему ароматом одного огромного букета.

Наконец добрался Уолтер до равнины, где росло множество деревьев: дубы, и вязы, и грабы, и ясени, и рябины, и слад-

кие каштаны — стояли они не тесно, как в лесу или в роще, но так, словно высажены были в определенном порядке на усыпанном цветами лугу — так могли бы они расти в парке какого-нибудь могущественного короля.

И вот остановился он у раскидистой черемухи, ветви которой клонились под тяжестью ягод, и возрадовался живот его при виде их, и он пригнул ветку, и стал срывать ягоды и есть. И тут вдруг услышал он совсем близко от себя странный звук: то ли рык, то ли ржание — негромкий, но свирепый и грозный, и не походил сей звук на крик ни одного из известных Уолтеру животных. Как уже говорилось, трусом Уолтер не был, однако от усталости ли после трудного пути или от голода, или от необычайности сего приключения и одиночества дух его дрогнул; колени затряслись, когда он повернулся, бросил взгляд в одну сторону, в другую, а потом издал дикий крик и упал в беспамятстве, ибо совсем рядом с ним, у самых ног, стоял тот карлик, чей образ видел он прежде, облаченный в желтое платье, и на чудовищном волосатом лице его играла ухмылка.

Как долго лежал он замертво, того Уолтер не ведал, но, когда очнулся, карлик сидел на корточках подле него. И когда он поднял голову, тот снова испустил свой страшный хриплый крик, однако на сей раз Уолтер разобрал слова и понял, что существо заговорило с ним и молвило:

— Так, так! Ты что такое? Откуда родом? Чего хочешь?

Отвечал Уолтер, садясь:

— Я человек, зовусь Блестящим Уолтером, родом из Лэнгтона, и хочу есть.

Лицо карлика сморщилось, будто от смеха, засмеялся он и промолвил:

— Все это мне ведомо, спросил лишь, чтобы услышать, какую ложь ты станешь говорить. Послан я тебе навстречу и принес с собой тот мерзостной хлеб, которым вы, чужеземцы, питаетесь, на, возьми!

С этими словами он вынул из сумы буханку и сунул Уолтеру; тот принял ее с некоторым сомнением, несмотря на голод.

Закричал на него карлик:

— Не привередлив ли ты, чужеземец? Мясо будешь? Что ж, дай мне твой лук да пару стрел, раз уж сам ты так ленив, и я добуду тебе зайца, иль кролика, иль, быть может, перепелку. А, запомятовал я, ты ж привередливый и не станешь есть мясо, подобно мне, с кровью и прочим, тебе нужно наполовину сжечь его в огне либо изгадить горячей водой, как, говорят, и моя Леди делает и как та тварь, погань — знаю, ибо видел ее за едой.

— Нет, — отвечал Уолтер. — Этого довольно.

И принялся он за хлеб, и сладок был тот у него в устах. Долго он ел, ибо голод понуждал его, а потом, когда насытился, произнес:

— Но кого зовешь ты тварью и поганью? И что за леди твоя Леди?

Чудовище испустило еще один бессловесный рык, словно в лютой ярости, и заговорило:

— Лицо у твари белое и румяное, точно твое, и руки белые, точно твои, да-да, только белее, и такая же она под одеждами, но еще белее, ибо видел я ее, да-да, я ее видел, о, да-да-да. Но ты, глупец, сочтешь ее прекрасной, если попадешь к ней в сети, и, подобно мне, горько потом раскаешься. Однако спрашиваешь ты, что за Леди? О чужеземец, какая другая Леди может быть здесь? И что сказать мне тебе о ней? Создан был я ею, и народ медведей тоже. Но не создавала она твари, погани и ненавидит ее люто, как и я. И однажды придет день...

Тут он прервался и перешел к долгим бессловесным воплям, а после заговорил, тяжело дыша:

— Слишком многое я тебе поведал, о что, если моя Леди услышит? Теперь пора идти мне.

Засим достал он из сумы еще две буханки, швырнул их Уолтеру, развернулся и отправился своей дорогой, шагая то ровно, как когда привиделся Уолтеру на берегу в Лэнгтоне, то подпрыгивая и подсакивая, словно шар, брошенный мальчиком, а то перебегая на четвереньках, будто зверь лесной, и то и дело испуская хриплый, злобный крик.

Долго сидел Уолтер, после того как карлик скрылся из виду, пораженный таким ужасом, и отвращением, и страхом перед чем-то непонятным ему, что не в силах был шевельнуться. Затем скрепил он сердце, осмотрел оружие свое и положил хлеб в сумку.

Потом поднялся он и пошел дальше, гадая и страшась того, какое создание попадется ему следующим. Ибо, правду сказать, мнилось ему, что будет хуже смерти, ежели они все такие, как сей карлик, и, коль так случится, придется ему убить или быть убитым.

Глава X. Уолтер встречает другого обитателя сей диковинной земли

Но пока шел он, отдохнувший и сытый, по сему восхитительному краю, согретому лучами яркого солнца, страх и отвращение покинули его, и теперь шагал он весело, и ничто не

приключилось с ним до самой ночи, когда лег он под могучим развесистым дубом с обнаженным мечом в руке, и мгновенно заснул, и спал беспробудно, покуда солнце не взошло высоко.

Тогда Уолтер поднялся и двинулся дальше, и земля вокруг была столь же прекрасна, как и вчера, а быть может, даже прекраснее: больше цветов на зеленых лугах, величественнее дубы и каштаны.

Так шел Уолтер некоторое время, покуда не приметил в ярком свете летнего утреннего солнца, немного впереди, серую скалу, возвышающуюся в кольце дубов, и тогда направился он напрямиком к ней, ибо не попадалось ему до сих пор скал на сей равнине, а приблизившись, разглядел, что у подножия скалы бьет ключ и чистым прозрачным ручьем убегает вдаль. И вот когда скала, ключ и ручей виднелись уже отчетливо, узрел он вдруг: сидит под сенью скалы у ключа дитя Адамово. Еще ближе подошел он и тогда заметил, что то была женщина, облаченная в зеленое, словно трава под ней. Она играла с бьющими из-под земли водами, и рукава ее были закатаны до плеч, дабы могла она окунуть свои нагие руки. Туфли из черной кожи лежали на траве подле нее, а белые ноги сверкали на солнце, как и ручей.

Возможно, из-за плеска и журчания воды не слышала она его шагов, и потому был он уже совсем рядом, когда она подняла голову и узрела его, и он узрел ее и узнал, ибо была она та самая девица, что трижды являлась ему со своими спутниками. Зарделась она, когда увидела его, и спешно прикрыла ноги подолом, и опустила рукава, однако более не шелохнулась. Что до него, то он стоял неподвижно, силясь заговорить с нею, но не мог произнести ни слова, и сердце его билось часто-часто.

Тогда молвила Девица голосом ясным и нежным, в котором не слышалось ни малейшего смятения:

— Ты, верно, чужестранец? Ибо прежде я тебя не встречала.

— Да, — ответил он, — чужестранец; приветить ли меня?

Молвила она:

— Что ж не приветить? Испугалась я поначалу, ибо почудилось мне: то идет Королевич. Не думала я встретить никого иного, ведь не было в сей земле других видных молодых до твоего появления — лишь он.

Спросил Уолтер:

— Ждала ли ты, что скоро явлюсь я?

— О нет, — отвечала она, — откуда ж мне было знать?

Молвил Уолтер:

— Того не ведаю, но вот другой человек будто бы ждал меня, и знал обо мне, и принес мне хлеб в пищу.

Она глянула на него тревожно и, побледнев, спросила:

— Какой другой?

Меж тем Уолтер не знал, кем приходится ей карлик, сотоварищем или кем-то другим, поэтому не стал выказывать свое к нему отвращение и ответил благоразумно:

— Маленький человечек в желтом одеянии.

Но когда услышала она эти слова, вдруг вся побелела, и откинула голову, и замахала руками, а затем промолвила слабым голосом:

— Молю тебя, не говори о нем при мне и даже не думай, если сможешь воздержаться.

Он промолчал, и через какое-то время она пришла в себя, тогда открыла она глаза, взглянула на Уолтера и улыбнулась ему по-доброму, словно прося прощения за то, что напугала его. Потом Девица поднялась и стала напротив Уолтера, и близко были они друг от друга, ибо неширокий разделял их ручей.

Однако Уолтер все еще смотрел на нее с тревогой, и спросил он:

— Ужель обидел я тебя чем? Молю, прости меня.

Еще нежнее сделался ее взгляд, и она промолвила:

— О нет, как можешь ты меня обидеть!

Тут залилась она румянцем, и Уолтер тоже, но затем она побледнела и прижала руку к груди, и он воскликнул:

— Снова нанес я тебе обиду! Что сделал я не так?

— Нет, нет, — отвечала она, — но я в смятении и не знаю причины, гнетет меня какая-то мысль, неведомая мне.

Румянец на ее щеках то сходил, то вспыхивал снова, и беспокойными пальцами теребила она складки платья. Наконец она промолвила:

— Сначала скажу я вот что: хоть и часа не прошло, как увидел ты меня впервые, возжелал ты в сердце своем, чтобы стала я твоим задушевым другом и твоей возлюбленной. А ежели это не так, то тогда конец нашей беседе, да и всем моим надеждам и чаяниям.

— О да! — воскликнул Уолтер. — Воистину это так, однако как ты угадала, мне неведомо, ведь сейчас в первый раз я признаюсь, что ты поистине любовь моя.

— Тссс, — молвила она, — тише! И у деревьев есть уши, а речь твоя громогласна; подожди, и я расскажу тебе, как угадала я. Переживет ли твоя любовь тот первый раз, когда прижмешь ты меня к своей груди, — то ни мне, ни тебе неведомо. Но горячо надеюсь я, что так оно и будет, ибо я тоже, хоть меньше часа знаю тебя, возжелала, чтобы стал ты мне другом сердечным и моим милым. Вот как я угадала, что ты меня любишь, мой друг. Теперь сердце мое переполнено счастьем и

радостью. Однако должна я поведать тебе о страшном зле, которое подстерегает нас.

Тогда Уолтер протянул к ней руки и воскликнул:

— Да-да! Но какое бы зло ни опутывало нас, теперь мы знаем самое важное, что ты любишь меня, а я — тебя, так не придешь ли ты ко мне, дабы я мог заключить тебя в свои объятия или поцеловать, — если не уста твои нежные и не ласковое лицо, то хотя бы твою драгоценную ручку, дабы я мог хоть как-нибудь дотронуться до тебя?

Она посмотрела на него внимательно и промолвила мягко:

— Нет, именно это более всего прочего нам нельзя делать, и в том проявляется часть того зла, что опутывает нас. Но послушай, друг мой, предупреждаю еще раз, голос твой слишком громок для сей пустоши, где процветает зло. Поведала я тебе о том, что воистину мы оба знаем, теперь же надобно мне рассказать, что знаю я, но не ты. Однако было бы лучше, ежели бы ты дал слово не касаться даже руки моей, и тогда мы смогли бы отойти подальше от сих укромных камней и сесть на лугу, ибо здесь любовью, кто желает подслушать, найдет прикрытие.

И вновь, пока говорила, сильно побледнела она, но Уолтер ответил:

— Коль так нужно, даю тебе слово и клянусь моей к тебе любовью сдержать его.

И тогда опустила она на колени, надела обувь свою и легко перескочила через ручей, и пошли они бок о бок, и, пройдя немного, сели под сенью стройной рябины, растущей посреди луга, где поблизости не было ни кустов, ни зарослей.

И тогда заговорила Девица, со всей серьезностью молвила:

— Должна поведать я тебе теперь, что очутился ты в земле гибельной для всех, кто чтит добро, и поистине желала бы я, чтобы покинул ты землю сию невредимым, даже если бы пришлось мне умереть с тоски по тебе. Что до меня, то мне опасность грозит несколько меньшая, чем тебе, ежели подразумевать опасность смерти. Но гляди, сие железное кольцо у меня на ноге есть знак того, что я невольница, а тебе известно, как поступают с рабами, которые нарушили волю хозяина. О том же, кто я такая и как попала сюда, не хватит мне времени сейчас рассказать, но, быть может, когда-нибудь в будущем тебе поведаю. Служу я злой госпоже, о которой едва ли знаю, человек она или нет, но некоторые считают ее богиней и как богине поклоняются, и, без сомнения, не было в мире божества более холодного и жестокого, чем она. Меня она ненавидит люто, однако даже если б она питала ко мне меньшую неприязнь или не питала вовсе, мало бы мне это помогло, коль доставляло бы ей удовольствие меня мучить. Но сейчас дела об-

стоят так, что не удовольствием, а болью и потерей обернется ей моя гибель, и поэтому, как я уже сказала, жизни моей не грозит с ее стороны опасность — ежели только не охватит ее внезапный порыв и она убьет меня и раскается после. Ибо хоть взбалмошность и можно назвать наименьшим из ее пороков, все же взбалмошна она до глубины души. Множество раз закидывала она сеть, дабы поймать какого-нибудь пригожего молодца, и последней ее жертвой (коли это не будешь ты) стал юноша, которого я назвала, когда только увидела тебя, Королевичем. Он до сих пор с нами, и я страшусь его, ибо он уже устал от нее, хоть и по праву ее можно назвать прекраснейшим из чудес света. Устал он от нее, говорю, и заприметил меня, и кабы я не береглась, навлек бы он на меня величайший гнев моей госпожи. Ибо надобно сказать о нем, что, хоть и видный он молодец, и пал жертвой ее козней, чуждо его сердцу сострадание, подлец он, который ради краткого удовольствия меня погубит, а после будет стоять, с улыбкой принимая прощение госпожи, тогда как мне не достанется прощения. Видишь теперь, каково мне меж двух этих жестокосердных негодяев? Есть и другие, о которых не буду даже говорить тебе.

И с теми словами она скрыла лицо в ладонях, и зарыдала, и пробормотала:

— О, кто вернет меня от этой муки смертной к жизни?

И Уолтер воскликнул:

— Для чего же еще прибыл я сюда?

И едва не заключил он ее в объятия, но вспомнил о данном слове и в ужасе отшатнулся, чувствуя, что догадывается, почему запретила она ему это; и зарыдал он вместе с нею.

Но внезапно Девушка успокоилась и сказала изменившимся голосом:

— Милый друг, хоть и говоришь ты, что спасешь меня, скорее выйдет, что я спасу тебя. А теперь молю, прости за то, что опечалила тебя своей печалью, особенно потому, что нельзя тебе утешиться лаской и поцелуями, но так случилось, что поразила меня нежданно мысль о том, как несчастна я в здешнем краю и сколько радостей за его пределами.

Затем издала она полувздых-полувсхлип, но сдержалась и продолжала:

— А теперь, друг сердечный, слушай внимательно все, что я скажу, ибо тебе надлежит поступать так, как научу тебя. Во-первых, сдается мне, раз то чудовище встретило тебя и подкрепило твои силы пищей, госпожа ожидает твоего прибытия; нет, само твое прибытие означает, что закинула она сеть и поймала тебя. Не примечал ли ты ничего, что подтверждало бы сию догадку?

Отвечал Уолтер:

— Трижды средь бела дня видел я, как проходите мимо меня, словно во плоти, чудовище, ты и величавая леди.

И затем поведал он ей коротко, как это происходило с ним с того дня на берегу в Лэнгтоне.

Промолвила Девица:

— Тогда не остается никаких сомнений, что ты ее последняя добыча, как я и полагала с самого начала, и в том, друг мой, причина, по которой не позволила я тебе целовать и обнимать меня, хоть и желаю я того превелико. Ибо госпожа хочет тебя лишь для себя одной и потому только и заманила тебя сюда; сведуща она в колдовстве (хоть и я кое-что умею), и, коль коснешься ты рукой иль устами моей кожи, да даже моего одеяния, почувет она дух твоей любви ко мне, и тогда тебя-то она, возможно, и пощадит, но мне пощады не будет.

Тут она ненадолго умолкла и, казалось, пала духом, и Уолтер тоже молчал, опечаленный, растерянный и смятенный, ибо в колдовстве он ничего не смыслил.

Наконец Девица заговорила снова и молвила:

— Все ж есть для нас надежда. Знай, что ты теперь тот, кого она желает, а не Королевич, и тем сильнее желание, что не видела она еще тебя. Помни это, какую бы она пред тобой ни предстала. А значит, отныне Королевич волен, хоть сам он о том пока не ведает, одарить своей любовью, кого пожелает, и я тоже в некотором роде вольна ответить ему согласием. Однако, по правде, так полна она злобой и желчью, что даже сейчас может передумать и наказать меня за то, что сама же позволила. Теперь дай-ка поразмыслить.

Затем надолго погрузилась она в молчание и наконец сказала:

— Да, повсюду подстерегает гибель, и гибельна затея, что пришла мне на ум, о которой не стану пока говорить тебе, поэтому не трать краткое время, отпущенное нам, на вопросы. Ибо теперь, друг мой милый, среди прочих опасностей все опаснее становится нам двоим быть вместе. Теперь тебе останется только идти прямо к Златому чертогу, что служит домом моей госпоже; это единственное жилье в сей земле (кроме тех, что, возможно, мне неизвестны), и лежит оно к югу неподалеку отсюда. Как поведет она себя с тобой, мне неизвестно, но все, что я рассказала о ней, и о тебе, и о Королевиче, чистая правда. А потому предупреждаю, будь осторожен и рассудителен в душе, каким бы ни казался внешне. Коли придется тебе уступить ей, то уступи лучше позже, чем раньше, дабы выгадать время. Но все же не слишком поздно, чтобы не выглядело, будто уступаешь ты, стыдясь того, из страха пред

ней. Крепко держись за жизнь, милый друг, ибо, оберегая себя, убережешь тем самым меня от неисцелимой скорби. Увидишь ты меня вскоре, быть может, завтра, быть может, через несколько дней. Но помни, делаю я что могу. Следи за тем еще, что обращаешь на меня не больше внимания, а то и меньше, чем ежели бы встретил какую-нибудь девушку низкого происхождения у себя на родине. О любовь моя! Сухо наше первое прощание, как и наша первая встреча, однако я уверена, будут у нас новые встречи, лучше, чем первая, а последнее прощание еще далеко-далеко впереди.

Засим она встала, и он без слов преклонил пред ней колена, а потом поднялся и отправился своим путем, но, отойдя, обернулся и увидел, что она стоит на том же месте; помедлила мгновение, когда заметила, что он обернулся, а затем пошла прочь.

Глава XI. Уолтер встречается госпожу

Было где-то после полудня, когда Уолтер расстался с Девницей; шел он теперь на юг по солнцу, как и велела она ему, и шел быстро, ибо, точно доброму рыцарю, едущему на битву, казалось ему, будто время тянется слишком медленно перед встречей с врагом.

И вот за час до заката заметил он, как нечто белое и сверкающее виднеется за дубами, и вскоре предстал пред ним прекраснейший дом из белого мрамора, покрытый барельефом; резные фигурки на нем выглядели как живые, и одежды, и кожа их, а жилища, в которых они стояли, выкрашены в светлые и золотистые тона. Весело блестели окна в доме, и высокой двери предшествовал портик с колоннами и со статуями меж колонн как людей, так и зверья, а когда Уолтер глянул на крышу, то увидал, что сияет она и искрится, ибо вся черепица на ней была сделана из желтого металла, который он счел чистым золотом.

И вот прошел он сквозь портик и очутился в сводчатой зале со множеством колонн, со стенами, покрытыми золотой и лазоревой краской, с темным полом, выложенным разноцветной плиткой, и с витражными окнами. Посредине бил золотой фонтан, и текла вода из него по двум каналам, а через них были перекинуты серебряные мостики. Длинной была зала и сумрачной, а потому, лишь миновав фонтан, заметил Уолтер, что в ней он не один: поднял он тогда глаза на возвышение, и почудилось ему, будто нестерпимое сияние разлива-

ется оттуда и слепит ему взор, и, пройдя еще немного, он упал на колени, ибо на возвышении сидела пред ним дивная леди, чей облик, словно во плоти, трижды являлся ему раньше, и, как тогда, золото и драгоценные камни украшали наряд ее. Но теперь она была не одна: подле нее сидел юноша, довольно пригожий, насколько разглядел Уолтер, и пышно разодетый, с мечом в усыпанных самоцветами ножнах и с венцом из самоцветов на голове. Держались они за руки и казались погруженными в нежный разговор, но столь тихо они беседовали, что Уолтеру было не слышать слов, покуда наконец юноша не промолвил, обращаясь к Леди:

— Не видишь ли ты, человек в зале?

— Да, — отвечала она, — вижу, стоит он там на коленях, так пусть же приблизится и поведает о себе.

Тогда Уолтер поднялся, и подошел ближе, и встал перед ними, смущенный и растерянный, глядя на них и дивясь красотой Леди. Что же до юноши, который был черноволос и строен, с правильными чертами лица, то, несмотря на всю его пригожесть, Уолтер придавал ему мало значения — никоим образом не похож он на главного.

До сих пор не сказала Леди Уолтеру ни слова, однако юноша после недолгого молчания произнес:

— Почто не преклоняешь пред нами колен, как когда вошел?

Уолтер собрался уж было дать ему дерзкий ответ, но тут Леди заговорила и молвила:

— Неважно, друг мой, стоит он прямо иль на коленях, но пусть ответит, коль изволит, для чего пришел и что надобно ему от меня.

Тогда отвечал Уолтер, охваченный стыдом и гневом:

— Сбившись с пути, попал я в сей край, Леди, и набрел на твое, как полагаю, обиталище, и коли нежеланен я здесь, то уйду прямо сейчас и покину твою землю, ежели захочешь прогнать меня из нее, как и из своего дома.

Услышав сии слова, Леди повернулась и посмотрела на него, и едва их взоры встретились, как смесь страха и влечения пронзила ему сердце. На сей раз заговорила она, обращаясь к нему, и холоден был ее голос, лишенный и гнева, и сочувствия.

— Чужеземец, — молвила она. — Не звала я тебя, однако можешь погостить у меня, коль пожелаешь, только имей в виду: здесь не королевский двор. И правда, есть народ, что служит мне (и не один, быть может), о котором тебе лучше ничего не знать. Из прочих же слуг у меня лишь двое, ты их еще увидишь: первый — диковинное создание, что охотно напугает тебя иль искалечит, но не станет служить по доброй воле никому, кро-

ме меня; вторая — женщина, обычная раба, принужденная мне прислуживать, но которую никто больше принудить не может... Однако что тебе до всего этого и отчего мне все это тебе рассказывать? Не стану я гнать тебя, но, если пребывание здесь придется тебе не по нраву, не жалуйся, а уходи с миром. Теперь пора закончить нам сей разговор, дабы мы с Королевичем могли продолжить беседу. Не королевич ли ты часом?

— Нет, Леди, — отвечал Уолтер, — я купеческого роду.

— Неважно, — сказала она, — ступай же теперь в покои, какие выберешь.

И сразу же после этого заговорила она с сидевшим подле нее юношей о том, как утром пели птицы под ее окном и как купалась она сегодня в лесном озерце, разгоряченная после охоты, и так далее в том же духе, будто они с Королевичем были одни в зале.

Уолтер же вышел, мучимый стыдом, словно бедняк, выставленный за дверь богатым родичем, и сказал себе, что женщина эта злобна и недостойна любви и что слабое представляет она для него искушение, несмотря на всю красоту ее тела.

Не видел он больше в доме ни души тем вечером, зато ожидал его накрытый стол с яствами и напитками, а после трапезы — мягкая кровать и все необходимое, но ни единое дитя Адамово не явилось, дабы услужить ему, поприветствовать его или же предостеречь. И все же он поел, и выпил, и лег спать, и отложил все мысли о происходящем до утра, тем более что грела его надежда увидеть ласковую Девушку завтра между рассветом и закатом.

Глава XII. В Лесу за пределами мира проходят четыре дня

Проснулся Уолтер рано, и не обнаружил рядом никого, кто пожелал бы ему доброго утра, и не услышал ни шагов, ни голосов в доме, и тогда, позавтракав в одиночестве, он вышел и стал блуждать среди деревьев, покуда не набрел на речку, где можно было искупаться, затем же, смыв с себя сон, улегся под деревом, но вскоре поднялся и направился обратно к дому, дабы не упустить ненароком Девушку, коли придет она туда.

Следует пояснить, что с этой стороны дома (то есть к северу), на расстоянии в половину полета стрелы, рос орешник, а вокруг — деревья более мелких пород, чем те, мимо которых проходил он прежде: не дубы и каштаны, а березы, рябины и молодые ясени с небольшим подлеском меж ними — поэтому

теперь Уолтер пробирался через заросли и на опушке увидал Леди с Королевичем, которые шли, держась за руки, как будто бы в любви и согласии.

Неподобающим показалось ему прятаться в кустах, и потому, не останавливаясь, прошествовал он мимо них к дому. Королевич нахмурился, когда он поравнялся с ними, однако Леди, на чьем прекрасном лице то и дело вспыхивала радостная утренняя улыбка, даже не взглянула на него, как ежели бы он был одним из деревьев. Но столь высокомерно и презрительно держалась она с ним накануне, что и не желал он ее внимания. Пошли они дальше вдвоем, огибая орешник, и против воли обернулся Уолтер им вслед, так цепко приковывала его взор красота Леди. И тут случилось еще кое-что: ветви орешника за их спиной расступились, и показался то ли тот злобный карлик, то ли не сам он, а кто-то из его сородичей, ибо был он почти наг, и только грива желто-бурых волос прикрывала его да кожаная повязка, на которой висел зловещий обоюдоострый нож; выпрямился карлик, посмотрел на Уолтера и ухмыльнулся ему, но не как знакомому, и едва ли мог Уолтер распознать, тот ли это, которого он встретил, или же другой, а карлик меж тем пал на живот и пополз сквозь высокую траву, аки змей, за Леди и ее возлюбленным, и подумал Уолтер с омерзением, глядя, как он ползет, что похоже сие чудовище более на хорька, чем на человека. Удивительно резко полз он и вскорости скрылся из виду. Уолтер же еще долго стоял и смотрел ему вслед, а потом лег под сенью деревьев, откуда мог следить за домом и за входом в него, на случай ежели милая Девица придет успокоить его словечком иль двумя. Но время шло, а она все не приходила, и лежал он на том же месте, и думал о ней, и тосковал по ее доброте и мудрости, куда, не в силах более сдерживать слезы, не разрыдался он, оттого что нет ее рядом. Потом поднялся, и пошел обратно к дому, и присел у двери, опечаленный.

Но пока сидел он там, вернулись Леди с Королевичем, который вел ее за руку, и, войдя под свод портика, прошли они так близко от Уолтера, что пахнуло на него ароматом ее одеяний и край гладкого подола едва не задел его, а потому не мог он не заметить, что наряд ее в беспорядке и что правой рукой (левую же сжимал Королевич) придерживает она на груди платье, ибо богатая ткань была сорвана с ее правого плеча. Когда они проходили мимо, Королевич снова нахмурился, молча, но еще свирепее прежнего, и опять не удостоила его вниманием Леди.

Спустя какое-то время, после того как скрылись они в доме, Уолтер вошел следом и обнаружил, что в зале ни души и ни звука, кроме журчания фонтана, но зато на столе ждала его снедь.

Поел он и выпил, дабы подкрепить силы, и вновь возвратился в лес следить да тосковать дальше, и невыносимо медленно тянулось время для него без прекрасной Девы.

Решил он остаться на ночь в лесу и лечь спать под сенью деревьев. Однако вскоре после заката заметил, как кто-то в ярких одеждах движется между статуй портика: то был Королевич; подошел он к Уолтеру и молвил:

— Надлежит тебе сей же час возвратиться в дом, и пойти в свои покои, и ни в коем случае не выходить между закатом и рассветом. Не желает моя Леди, чтобы ты рыскал по округе в ночи.

И с этими словами поворотился он и пошел обратно, и Уолтер последовал за ним, напомнив себе благоразумно, что Девы велела ему терпеть. И потому вернулся он в свои покои и лег спать.

Следующий день походил на предыдущий, и последующий за ним тоже, с тем только различием, что грусть и тоска его все усиливались, а надежда таяла. Четвертый день начался ровно так же, однако после полудня спрятался Уолтер от жары в зарослях орешника, и столь истомила его печаль, что, прилегли в тени возле полянки, он заснул. Там-то он и проснулся спустя какое-то время, заслышав голоса, и тотчас же понял, что это беседуют те двое.

Королевич только что закончил говорить, и настал черед Леди, и промолвила она своим медовым голосом, низким и глубоким, немножко даже хрипловатым:

— Запастись следует тебе терпением, Отто, покуда не раз узнаем мы, что он за человек да откуда, а избавиться от него мы всегда успеем, стоит лишь молвить слово нашему верному Королю карликов, и все будет кончено за несколько минут.

— Терпением! — воскликнул Королевич сердито. — Не знаю, откуда взять мне терпения, ибо вижу я, что он груб, твердолоб и неотесан, да к тому же простолюдин. Хотя, правду сказать, для меня у него нашлось достаточно терпения, когда намеренно обошелся я с ним, как с собакой, коей он и является, а ему не хватило мужества ни слова сказать мне. И верно, было у меня на уме, когда он шел за мной, развернуться и отвесить ему оплеуху, дабы посмотреть, смогу ли я вызвать у него хоть одно гневное слово.

Засмеялась Леди и молвила:

— Ну не знаю, Отто, то, что мнишь ты в нем малодушием, может оказаться предусмотрительностью и мудростью, ибо он чужак здесь, вдали от друзей и среди врагов. Может статься, еще испытаем мы, из какого он теста. А между тем советую тебе: воздержись от оплеух, ежели только не будет он при этом безоружен и связан, а иначе, сдастся мне, недолгую радость принесет тебе твой удар.

И когда слышал Уолтер те слова и голос, которым они были сказаны, поневоле сердце его всколыхнулось, и ему в его одиночестве они показались дружескими.

Однако остался он лежать, не шелохнувшись, и услышал, как Королевич отвечает Леди:

— Не знаю, какие чувства у тебя к этому бродяге, что дразнишь меня его доблестью, о которой тебе ничего неизвестно. Коль мнишь меня недостойным себя, так отправь обратно в королевство моего отца, где, смею думать, пользуюсь я некоторым почетом, да и любовью прекрасных женщин к тому же.

Должно быть, протянул он тут руку к Леди, дабы приласкать ее, ибо она сказала:

— Нет, не клади руки мне на плечо, ибо движет ей сегодня и сейчас не любовь, но гордость, и тщеславие, и охота показать свою власть. Нет, вставать и уходить тоже не надо, покуда гнев твой не смягчится и не станешь добрее ко мне.

На время повисла меж ними тишина, а затем заговорил Королевич угодливо:

— Молю, прости меня, моя богиня! Но так ли неожиданно, что я страшусь, как бы не устала ты от меня, и потому веду себя ревниво и капризно? Ты возвышаешься над всеми королевскими мирами, а я лишь бедный юноша, который без тебя ничто.

Промолчала она в ответ, и он продолжал:

— Ведь правильно подметил я, о богиня, что сей сын купеческого рода мало обратил внимания на тебя, красоту твою и твое величие?

Засмеялась она и промолвила:

— Быть может, счел он, что не на что ему надеяться, раз ты сидишь подле нас, да к тому же говорили мы с ним холодно, и строго, и презрительно. И вдобавок ослеплен был бедный юноша нашей красотой; ослеплен и смущен, что видно было по его глазам и по лицу его.

И столь ласково и по-доброму говорила она, что вновь сердце Уолтера всколыхнулось, и подумал он: быть может, ей известно, что он рядом и все слышит, и, быть может, слова эти предназначены для него ровно так же, как и для Королевича, который ответил:

— Леди, ужель не видела ты в его глазах, что смотрели они на другую прекрасную женщину? Коль спросишь меня, то кажется мне вполне вероятным: на пути к чертогу твоему встречался он с Девицей.

Произнес то Королевич, запинаясь и будто съезжившись от страха перед бурей, которая может грянуть. И верно, когда Леди заговорила, голос ее изменился: стал он одновременно резок, холоден и напорист. Молвила она:

— Да, мысль твоя разумна, однако не можем же мы постоянно думать о нашей рабыне. Коль все обстоит так, как ты считаешь, мы непременно узнаем, когда в следующий раз увидим ее, и, ежели умалчивает она о чем-то, тем дороже заплатит, ибо допросим мы ее у фонтана в зале о том, что случилось у источника под скалой.

Промолвил Королевич, еще сильнее запинаясь:

— А не лучше ли допросить молодца, Леди? Не из робких Девнца, сложно будет правду выпытать у нее, тогда как с ним, уверен я, не возникнет трудностей.

— Нет, — отвечала Леди резко. — Не лучше. Скажу тебе вот что: ведаю я твое сердце, ты же моего не ведаешь. Но будь покоен! Коль молил ты меня за эту женщину — нет, не словами, знаю, но дрожащими руками своими, и встревоженными глазами, и нахмуренным челом, — коль молил ты меня за нее, избежит она на сей раз наказания. Но в том, поможет ли ей это в будущем, сомневаюсь я. Смотри сам, Отто! Ты, кто так часто сжимал меня в объятиях. Теперь ступай, коли желаешь.

Показалось Уолтеру, что огорошен Королевич ее словами: ничего не ответил он и вскорости поднялся и побрел по направлению к дому. Леди же осталась лежать на траве, а затем, через какое-то время, тоже пошла своим путем, но повернула она не в сторону дома, а в сторону леса, откуда впервые Уолтер пришел сюда.

Что до Уолтера, то разум его пребывал в растерянности, а дух — в смятении, да к тому же почудилось ему, будто коварство и жестокий умысел скрываются за словами тех двух, и это его разгневало. Все ж он сказал себе, что ничего не может поделать, ибо связан по рукам и ногам, покуда снова не увидит Девницу.

Глава XIII. Охота начинается

Следующим утром поднялся Уолтер рано, и тяжело и печально было у него на душе, ибо не ждал он от нового дня ничего, что не случилось с ним за четыре прошедших. Однако вышло иначе: когда спустился он в залу, сидела там в одиночестве на возвышении Леди, вся в белом, и повернула она голову, заслышав его шаги, и посмотрела на него, и поприветствовала, и молвила:

— Подойди, гость.

Приблизился он и встал пред нею, и она сказала:

— Хоть не видал ты еще здесь ни почета, ни радушия, все ж не пожелал ты покинуть нас и в том, сказать по правде, поступил мудро, ибо не можешь ты ни сбежать от нас, ни уйти

без нашего соизволения. Но за то мы тебя благодарим, что покорился ты нашей воле, и перенес терпеливо четыре тяжелых дня, и ни разу не пожаловался. Притом не могу я счесть тебя трусом, ведь так хорошо сложен ты, и прям твой взор, и на лице видна отвага. И потому спрошу тебя: сослужишь ли мне службу, дабы удостоиться моего гостеприимства?

Отвечал Уолтер, немного запинаясь поначалу, ибо так поразила его произошедшая в ней перемена, и воистину говорила она с ним дружески, но величаво, как стала бы говорить благородная леди с юношей, готовым служить ей с честью. Молвил он:

— Покорнейше благодарю тебя, Леди, за то, что велишь службу сослужить тебе, ибо за прошедшие дни измучило меня безделье, и ничего лучшего я и пожелать бы не смог, чем с честью исполнять повеления столь высочайшей госпожи.

Нахмурилась она отчего-то и промолвила:

— Не зови меня госпожой, одно лишь существо меня так величает, и это моя рабыня, а ты не раб. Зови меня Леди; желаю я, дабы послужил ты мне пажом, и первым твоим заданием будет сопровождать меня на охоте. Теперь снаряжайся, возьми лук и стрелы да не забудь подпоясаться мечом. Ибо в сей прекрасной земле могут повстречаться звери куда губительнее, чем олень или кролик. Я же тоже пойду собираться, и отправимся мы, пока день еще молод, дабы насладиться всей его летней прелестью.

Поклонился он ей, и тогда, поднявшись, ушла она в свои покои, а Уолтер снарядился и стал ждать ее снаружи у дверей; не прошло и часа, как она вернулась, и сердце Уолтера забилося быстрее, когда увидел он, что следует за ней по пятам Девушка, и едва удалось ему смирить взор свой, дабы не смотрели жадно глаза его на милого друга. Одета она была, как и прежде, и лицо ее не изменилось, лишь вспыхнула на нем любовь при виде его, и стоило ей многих усилий это скрыть, однако госпожа не заметила ее затруднений или сделала вид, что не заметила, и вскоре черты Девушки вновь приобрели обычное выражение.

Но показалось Уолтеру странным, что, после того презрения к рабскому положению Девушки, которое он слышал в голосе госпожи, и после всех угроз, стала вдруг госпожа ласковой и снисходительной к ней, как добрая леди к верной служанке. Когда Уолтер преклонил пред ней колени, она повернулась к Девушке и воскликнула:

— Смотри, Девушка, какой прекрасный новый паж мне достался! Несомненно, проявит он доблесть в лесу! И смотри, как славно он сложен. А ты, мой паж, взгляни на сию прекрасную стройную Девушку и скажи, разве не нравится она тебе,

мог ли представить ты, что найдешь нечто столь прекрасное в нашем захолустье?

Доброй и открытой была улыбка на ее ослепительном лице, и, казалось, не заметила она смятения во взгляде Уолтера и того, как старался не смотреть он на Девуцу. Что же до Девуцы, то так хорошо овладела она выражением своего лица, что изобразила на нем маску скромной, но счастливой служанки, и улыбалась, и краснела, опустив голову, будто смущалась молодого пригожего чужеземца.

Леди же посмотрела на нее ласково и молвила:

— Подойди, дитя, и не бойся сего честного вольного юноши, который, вероятно, сам боится тебя немножко и, несомненно, боится меня, но оттого только, что свойственно страшить женщин мужчинам.

И с этими словами взяла она Девуцу за руку, и привлекла к себе, и прижала к груди, и поцеловала ее в уста и в ланиты и, развязав шнуровку на платье, обнажила ей плечо, и приподняла подол, оголив ноги, а затем повернулась к Уолтеру и молвила:

— Гляди, паж! Разве не прелестное создание выросло среди наших грубых дубов! Что такое? Смотреть ты на сие железное кольцо? Это мелочь, знак того только, что она моя и никуда я ее от себя не отпущу.

Засим, взяв Девуцу за плечи, развернула она ее, словно шутя, и молвила:

— Ступай теперь и приведи моих добрых серых псов, ибо надобно нам сегодня принести в дом оленины, дабы не пришлось нашему отважному воину питаться лишь хлебом да медом.

И пошла Девуца исполнять поручение, стараясь, как показалось Уолтеру, не взглянуть на него ненароком. Он же остался стоять в растерянности, смущенный добротой благородной Леди и лицезрением красоты его возлюбленной Девуцы, и почти уверился он, что все слышанное им, с тех пор как он впервые переступил порог дома, было не более чем кошмарным сном.

Но пока размышлял он о происходящем, глядя перед собой невидящим взором, расхохоталась Леди, и коснулась руки его, и молвила:

— В чем дело, паж, желаешь ты теперь, как увидел нашу Девуцу, остаться и поговорить с нею? Но вспомни, ты дал мне слово! Да к тому же скажу я тебе ради твоего же блага, пока она нас не слышит, что превыше всего следует мне увести тебя сегодня отсюда, ибо есть и другая пара глаз, отнюдь не безобразных, что смотрит с восхищением на мою тонконогую рабыню, и кто знает, не пойдут ли в дело мечи, коли не остерегусь я и дам тебе слишком много воли.

Произнося эти слова, прошла она немного вперед, и когда повернулся он за ней, то увидел заросли орешника, и почудилось ему, будто снова выползает оттуда злобное желто-бурое чудовище, а затем, встретившись с Леди взглядом, увидел он в ее глазах иное выражение, не доброты и честности, но мгновенно стал ее взгляд прежним, и молвила она весело и ласково:

— Так-так, сэр паж, коль ты очнулся, можешь теперь посмотреть и на меня немножко.

Тогда заставило его задуматься это выражение в глазах ее о том, что может навлечь он на них с Девницей, коли не справится со своими чувствами или не сделает все, что в его силах, дабы их скрыть, и потому опустил он пред Леди на одно колено и заговорил смело, подражая ей:

— Нет, прекраснейшая из леди, ни за что не останусь я сегодня дома, когда собираешься ты в поход. Но коль немногословен я и глаза мои смотрят в сторону, так это оттого только, что ошеломлен мой разум твоей красотой и медом ласковых речей, что течет из твоих уст.

От души рассмеялась она над сими словами, но не презрительно, и молвила:

— Складно сказано, паж мой, и именно так и должен отвечать верный паж своей леди, когда солнце высоко, и утро погоже, и она и весь мир пребывают в радости.

Стояла она совсем близко, произнося это, и держала руку на его плече, а глаза ее сияли. И правду сказать, было оправдание его рассеянности похоже на истину, ибо не встречалось еще на земле создания прекраснее ее, одетой, словно языческая богиня-охотница, в подпоясанном зеленом платье и в сандалиях, с луком в руках и колчаном за спиной; была она выше и статнее милой Девницы, и величавее, и кожа ее белее, и волосы ее ярче, точно прекраснейший и самый благоуханный цветок из всех цветов.

Молвила она:

— Воистину славный из тебя паж, и коли будешь ты так же хорош на охоте, останемся мы довольны и приветим гостя с радушием. Но гляди! Вон идет наша Девница с добрыми серыми псами. Ступай встретить ее, и задержимся мы не дольше, чем потребуется, дабы взять тебе повод в руки.

Оглянулся Уолтер и увидел Девницу с парой громадных псов, которые, устремившись вперед, рвали из ее рук поводья. Побежал он ей навстречу, гадая, стоит ли обменяться с ней беглым взглядом иль шепотом, но она передала ему белые ремни и прошла мимо все с той же смущенной полуулыбкой, застывшей на ее лице, и подошла к Леди, покачиваясь, словно ивовая ветвь на ветру, и остановилась пред нею с опущенными руками. Тогда Леди повернулась к ней и молвила:

— Блюди себя, Девица, в наше отсутствие. Сего прекрасного юноши страшится тебе и правда нечего, ибо он добронравен и честен, однако что станешь делать с Королевичем, о том не ведаю. Хоть и воистину пламенный он возлюбленный, но человек тяжелого нрава, и жестоким становится порой, и грозит опасностью нам обеим. И коль уступишь ты его желаниям, худо придется тебе, а коли нет, берегись его и позволь мне, мне лишь одной встать между его гневом и тобой. Быть может, смогу я что-нибудь для тебя сделать. Еще вчера только требовал он, дабы подвергла я тебя наказанию, положенному рабам, но я велела ему прекратить подобные речи и насмеялась над ним, покуда не ушел он прочь в злобе и ярости. Так смотри ж, не попадись в западню его коварства.

Засим Девица бросилась в ноги Леди, и обняла их, и поцеловала, и, когда поднялась, положила Леди ей руку на голову благосклонно, а затем, повернувшись к Уолтеру, воскликнула:

— Теперь оставим же все невзгоды, и желания, и лукавые умыслы позади, паж мой, и отправимся бродить по зеленому лесу, словно язычники из древних времен!

И засим подоткнула она подол своего платья, открывая белоснежные колени, и помчалась в сторону зеленого леса, что лежал к югу от дома, и Уолтер последовал за ней, дивясь ее пригожести, и не осмелился он оглянуться на Девицу, ибо знал, что желает она его и что лишь ей одной подвластно освободить его из сего дома, полного коварства и лжи.

Глава XIV. Преследование добычи

Пока шли они, окрестности изменились: меньше стало вокруг могучих раскидистых деревьев и больше кустарника. В таких зарослях подняли они оленя, и спустил Уолтер псов с поводка, и помчались они с Леди за ними следом. Стремительна она была, словно поток, и неутомима, и, азартом погони не уступая псам, неслась она вперед сквозь колючки и хлест веток. Но, несмотря на все усилия, никак не удавалось им догнать зверя, и завело их преследование в дремучую чашу с широким озерцом посредине. У них на глазах бросился олень в воду и выбрался на берег с другой стороны, им же из-за густого подлеска никак не успеть было обойти вокруг озера, пока плыл он, и потому остались охотники ни с чем.

Тогда кинулась Леди на траву у кромки воды, а Уолтер созвал собак и надел на них поводья, потом обернулся он к ней, и — глядь! — рыдает она, оттого что упустили они добычу, и вновь подивился Уолтер, что от сущей безделицы готова она

удариться в слезы. Не осмелился он спросить, что печалит ее, иль предложить утешение, однако не в силах был не любоваться ее прелестью.

Но вскорости приподнялась она, и посмотрела на Уолтера, и заговорила с ним сердито, и спросила:

— Что стоишь ты, паж, и глядишь на меня с дурацким видом?

— О Леди, — отвечал он, — твой вид лишает меня разума, и ничего не могу я поделать, кроме как глядеть.

Молвила она капризным голосом:

— Слишком поздний час для любезных и учтивых речей, и что хорошо было утром, паж, нехорошо теперь. К тому же знаю я твое сердце лучше, чем тебе думается.

Покраснев, повесил Уолтер голову, и тогда лицо ее изменилось, улыбнулась она и промолвила на сей раз мягко:

— Слушай, паж, разгорячена я, устала и раздосадована, но скоро мне станет легче, ибо колени мои говорят моим плечам, что приятной покажется холодная вода в этом озере сим летним днем и что позабуду я о своей неудаче, когда наслажусь ею. А потому возьми собак и дожидайся меня в отдалении. И ни в коем случае не оборачивайся, уходя, иначе придется тебе худо, да и не стану я долго томить тебя в одиночестве.

Поклонился он ей, развернулся и ушел подальше. И теперь, когда очутился он на некотором расстоянии от нее, воистину стала она казаться ему самой дивной из женщин, и позабыл он все сомнения свои и страхи касательно того, кто она: прекрасный образ, созданный из лжи и обмана, или злобная тварь, принявшая личину красавицы. Ибо по правде, когда увидал он, как ласкает она милую добрую Девуцу, ополчилось на нее его сердце, и, несмотря на то что говорили ему глаза и уши, мнилась она ему змеей, обвинившейся вокруг той, простодушной, кого он любил.

Но теперь все изменилось, и он лежал на траве, алкая прихода Леди, которая задерживалась уже более часа. Наконец явилась она, посвежевшая и веселая, с улыбкой на устах и с опущенным подолом зеленого платья.

Вскочил он, дабы встретить ее, и она приблизилась, и заговорила, смеясь:

— Нет ли у тебя снеди в твоей сумке, паж? Ибо, помнится, кормила я тебя, когда был ты голоден, теперь твоя очередь.

Улыбнулся он, и поклонился ей, и достал хлеб, мясо и вино, разложил все это на зеленой траве перед ней, а сам скромно встал рядом. Но она промолвила:

— Нет, паж мой, садись подле меня и поешь со мною, ибо сегодня мы с тобой сотоварищи по охоте.

И тогда сел он возле нее, дрожа, но не от благоговения пред ее величием и не от ужаса перед коварством ее и чарами.

Не сразу встали они, как поели, и принялась Леди расспрашивать Уолтера о местах, где побывал он, о нравах людских да о его путешествиях.

Наконец она промолвила:

— Многое поведал ты мне и отвечал на мои расспросы разумно и так, как следует моему верному пажу, чем я довольна. Однако теперь расскажи мне о граде, где ты родился и вырос, граде, о котором до сих пор не произнес ты ни слова.

— Леди, — отвечал он, — велик и прекрасен тот град, и многим приходится по нраву. Но покинул я его, и не к чему мне возвращаться.

— Разве нет у тебя там родичей? — спросила она.

— Есть, — отвечал он, — но и враги тоже, и лживая женщина, что желает мне смерти.

— Кем она тебе приходится? — спросила Леди.

Отвечал Уолтер:

— Моей женой.

— Красива ль она? — спросила Леди.

Посмотрел на нее Уолтер пристально, а затем промолвил:

— Хотел сказать я, что почти столь же прекрасна она, как и ты, но это была бы неправда. И все же она очень красива. Но теперь, добрая и великодушная Леди, спрошу и я у тебя кое-что: чудно мне кажется, что задаешь ты столько вопросов о Лэнгтоне-на-острове, где появился я на свет и где и поныне живут мои родичи, ибо, сдается мне, тебе самой все это известно.

— Мне известно?! — удивилась Леди.

— А что, — воскликнул Уолтер, — неизвестно?

Заговорила Леди, и толика бывшего презрения звучала в ее голосе:

— Думаешь ты, брожу я по свету и всяким там городишкам, торгашам подобно? Нет, лишь в Лесу за пределами мира обитаю я и нигде больше. Что навело тебя на такую мысль?

Ответствовал он:

— Прости меня, Леди, коли нанес тебе оскорбление, но вот как было дело: собственными глазами лицезрел я, как идешь ты по берегу нашего города и садишься на корабль. Шел впереди тебя диковинный карлик, которого я здесь уже повстречал, за ним — твоя Девица, а после — твоя прекрасная милостивая особа.

Изменилась в лице Леди, пока он говорил, сначала покраснела, потом побледнела и стиснула зубы, однако, взяв себя в руки, промолвила:

— Паж мой, вижу я, что ты не лжец и не слабоумен, поэтому верю, что воистину узрел ты мой образ, но никогда не бы-

вала я в Лэнгтоне, и не мыслила о том, и не ведала даже о его существовании, покуда не рассказал ты мне сейчас. А посему, полагаю, что враг мой явил тень мою в твоём городе.

— О Леди, — отвечал Уолтер, — и что это за враг, кто мог бы сотворить такое?

Помедлила она с ответом, но затем молвила дрожащими от гнева губами:

— Не знаешь ты разве, что враги человеку — домашние его? Коли проведуя, кто сделал это, несладко придется злодею.

Вновь погрузилась она в молчание и со всех сил стиснула кулаки в приступе ярости, чем испугала Уолтера, и тогда вернулись к нему тревога и сомнения, и раскаялся он, что столь многое ей поведал. Вскоре, однако, гнев, казалось, покинул ее, и она опять повеселела, и стала доброй и ласковой, и молвила ему:

— Но как бы там ни было, по правде, благодарна я тебе, паж мой и друг, за то, что рассказал мне. И, конечно же, нет за тобой никакой вины. Более того, разве не сие видение привело тебя сюда?

— Так и есть, Леди, — отвечал он.

— Тогда должны мы поблагодарить его за это, — сказала Леди. — И рады мы видеть тебя у нас.

И засим протянула она ему руку, и, опустившись на колени, он поцеловал ее, и в тот же миг будто раскаленным железом пронзило ему сердце, и он, ослабев, склонил голову. Однако не выпустил он ее руки и покрыл множеством поцелуев, и кисть, и запястье, и выше, и больше не ведал он, где он.

Но тут отстранилась она от него, поднялась и промолвила:

— Время уже позднее, а нам нужно вернуться домой с оленьей, поэтому должны мы, не мешкая, приступить к работе. Поднимайся, паж, возьми собак и ступай за мной, ибо есть неподалеку чаща, где находит приют множество оленей любых видов. Так отправимся же в путь!

Глава XV. Убийство

Шли они, крадучись, с полмили, и все время держала Леди Уолтера подле себя, вместо того чтобы дать ему следовать позади, как положено пажу, и касалась она его порой, указывая то на зверя, то на птицу, то на древо, и так пьянила его ее красота, что ни о чем другом не мог он думать.

И вот когда приблизились они к чаще, повернулась она к нему и сказала:

— Слушай, паж, немало искусна я в делах охотничьих, а посему верь, не допуссу я, дабы потерпели мы позорную неудачу

во второй раз; наложи стрелу на тетиву, и жди здесь, и не шевелись, ибо войду я в чашу без собак и подниму для тебя зверя, а ты же будь проворен и меток, и тогда ждет тебя награда.

С этими словами вновь заткнула она подол за пояс, взяла изогнутый лук свой, достала из колчана стрелу и углубилась в чашу, оставив его тосковать по ее облику и прислушиваться к шелесту сухих листьев под ее легкими стопами и веток, сквозь которые пробиралась она.

Так стоял он некоторое время и вдруг услышал, как бессловесный вопль ужаса, похожий на женский, исходит из чаши, и, пока разум его силился осознать, что случилось, бросился он туда стремительно, но проворно.

Недолго пришлось ему пробираться, когда увидел он Леди, стоящую среди небольшой прогалины, дрожа и покачиваясь, с лицом белым, как смерть, и с подгибающимися коленями, руки ее безвольно висели по бокам, а лук со стрелой валялись на земле; в десяти ярдах же от нее, подобравшись для прыжка, медленно надвигался желтый зверь с огромной головой.

Замер Уолтер, одна стрела была уже на тетиве, вторую держал он пальцами правой руки. Натянул он тетиву и спустил ее в мгновение ока, стрела пронеслась совсем близко от Леди, и тотчас же лес огласил чудовищный рык, с которым желтый лев повернул голову, пытаясь вцепиться зубами в древко, что глубоко вонзилось ему в лопатку, словно поразившая его небесная молния. Не медля, выпустил еще одну стрелу Уолтер, а затем, отбросив лук, побежал к зверю с обнаженным мечом, блестящим в его руке, тогда как лев бился на земле в крови, не в силах подняться.

Приблизился к нему Уолтер и пронзил ему сердце, а потом отскочил на случай, ежели осталось в нем еще жизни, дабы ударить в ответ, но зверь затих, умолк его мощный голос, и остался он лежать неподвижно у ног охотника.

Подождал Уолтер немного подле него, а потом повернулся к Леди и увидал, что повалилась она на землю, и лежит теперь безмолвно, сжавшись в комок. Тогда опустился он перед ней на колени, приподнял ей голову и стал приговаривать, что враг убит и она может подняться.

И тогда она встала, дрожа и бледнея, и молвила:

— Уйдем же из сего леса, ибо враг здесь таится.

И поспешила она прочь вперед него; вернулись они туда, где оставили псов, которые беспокойно скулили, дожидаясь их, и тогда Уолтер надел на них поводья, а Леди, не замедлив шага, пошла дальше к дому, и он последовал за ней.

Но вот остановилась она и, обернувшись к Уолтеру, позвала:

— Подойди сюда, паж.

Он подошел, и она промолвила:

— Притомилась я снова, сядем же под сей рябиной и отдохнем.

И так опустились они на траву под деревом, и долго сидела она, устремив взор в колени, но наконец промолвила:

— Почто не забрал ты шкуру льва?

Отвечал он:

— Леди, вернусь я обратно, сниму с него шкуру и принесу тебе.

И он уж было поднялся, но схватила она его за платье, и потянула вниз, и молвила:

— Нет, не ходи, побудь со мной. Садись.

Он сел, и она сказала:

— Не оставляй меня, ибо мне страшно: не привыкла я смотреть в лицо смерти.

Побледнела она, произнося эти слова, и прижала руку к груди, и погрузилась в молчание. Потом посмотрела на него, улыбаясь, и спросила:

— Как показался тебе мой облик, когда стояла я там перед лицом врага?

— О милостивейшая Леди, — отвечал он, — была ты, как всегда, обворожительна, но я страшился за тебя.

Положила она руку поверх его руки и промолвила:

— Добрый и верный паж, обещала я, прежде чем зайти в ту чащу, что вознагражу тебя, коли убьешь ты зверя. И воистину мертв он, хоть и не снял ты с него шкуру. Проси же у меня награды, но обдумай сначала, чего хочешь ты.

Теплой была ее рука на его руке, и сладок ее аромат, смешанный с запахами леса под жарким полуденным солнцем, и затуманило его разум мужское желание. И едва не сорвалась с его уст мольба о том, чтобы освободила она Девицу и позволила им вместе отправиться в иные земли, но, пока колебался он, Леди, смотревшая на него пронизательным взором, убрала руку, и тотчас вновь сомнения и страх заполнили сердце его, и ничего не сказал он.

Тогда засмеялась она весело и молвила:

— Смущен мой верный паж, страшится леди он сильнее, чем лва. Сочтешь ли наградой, коль велю тебе поцеловать меня в щеку?

Засим наклонилась она к нему, и он поцеловал ее не без охоты, а потом стал глядеть на нее, гадая, что приключится с ним наутро.

Поднялась она затем и сказала:

— Возвратимся же домой, паж, и не смущайся, будут и другие награды.

И пошли они дальше, не спеша, и день уж приблизился к закату, когда вошли они в дом. Огляделся Уолтер в поисках Девушки, но не видать ее было, а Леди сказала ему:

— Ступай к себе, на сегодня служба твоя закончена.

И кивнув ему дружески, удалилась.

Глава XVI. О Королевиче и о Девушке

Уолтер, однако, снова вышел из дома и побрел среди деревьев, пока опять не очутился среди зарослей, в которые полез он из чистой прихоти или оттого, может статься, что хотелось ему спрятаться в укромном месте, дабы подумать о происходящем. Прилег он между густых ветвей, но мысли его разлетались, и не мог он сосредоточиться на том, что ждать ему от дней грядущих, а образы двух женщин и чудовища стояли пред глазами, и разум его метался меж страхом, желанием и надеждой.

И вот пока лежал он так, слышались приближающиеся шаги, и, выглянув из-за ветвей, увидел он, хоть уже стемнело, как проходят рядом неторопливо мужчина с женщиной и держатся за руки; поначалу решил он, что это Королевич и Леди, но вскоре понял, что хоть поистине это Королевич, но за руку он держит Девушку. И видел он теперь, как горят желанием глаза Королевича и как бледна Девушка. Однако когда заговорила она, голос ее был ровен, и молвила она:

— Часто и жестоко угрожал ты мне, Королевич, и вновь грозишь, все с той же жестокостью. Но теперь нет тебе в том нужды, ибо госпоже моей, которая тебе прискучила, самой наскучил ты, и, быть может, не станет она наказывать меня за то, что привлекаю твой взор к себе, как сделала бы раньше, до прихода сего чужеземца. Поэтому, коль я невольница, беспомощная и несчастная между двумя властными людьми, остается мне лишь уступить твоему желанию.

Держа такие речи, озиралась она по сторонам, словно страх и тревога отвлекали ее. И Уолтер, охваченный печалью и гневом, едва не обнажил свой меч и не набросился на Королевича. Лишь мысль о том, что, поступив так, бесповоротно погубит он и Девушку, и себя, хоть и с трудом, но удержала его.

Стояла теперь Девушка совсем близко от того места, где лежал Уолтер, в каких-нибудь пяти ярдах, и стал он сомневаться, так ли уж незрим он для нее. Что до Королевича, то столь поглощен он был Девушкой и столь жадно взирал на ее красоту, что вряд ли замечал что-либо вокруг.

Меж тем почудилось Уолтеру, будто видит он что-то в кустах, что-то желто-бурое и уродливое, и коли не лесной хорек это был, то уж, конечно, чудовищный карлик или один из его сородичей, и побежали мурашки по телу Уолтера от ужаса перед ним. А Королевич сказал Девнице:

— Прелесть моя, возьму я тот дар, что предлагаешь мне, и не стану грозить тебе боле, хоть и предлагаешь ты мне его не слишком охотно и не слишком ласково. Однако скажи мне еще раз, что не любишь ты того отвратительного чужеземца и не видала его раньше, до сего утра, когда он был вместе с нашей Леди. Нет, поклянись лучше в том.

— Чем поклясться мне? — спросила она.

— Поклянись моим телом, — отвечал он и с этими словами попытался обнять ее, однако отняла она у него руку и, положив ее ему на грудь, молвила:

— Клянись твоим телом.

Улыбнулся он ей сластолюбиво и, взяв за плечи, покрыл ее лицо множеством поцелуев, затем отстранился и промолвил:

— Вот и получил я задаток, теперь скажи, когда мне прийти к тебе?

Отвечала она ему ясно и отчетливо:

— Через три дня, самое позднее; точный день и час назначу я тебе завтра либо послезавтра.

Поцеловал он ее еще раз и промолвил:

— Не забудь, а то угроза останется в силе.

Засим развернулся он и направил стопы к дому, и увидел Уолтер, как желто-бурая тварь поползла за ним в сгущающихся сумерках.

Девница же долго стояла, не шелохнувшись, и глядела вслед Королевичу и чудовищу, что кралось за ним. Потом раздвинула она осторожно ветви над тем местом, где лежал Уолтер, и он вскочил, и оказались они лицом к лицу. Молвила она мягко, но серьезно:

— Милый друг, не касайся меня покуда!

Не ответил он, лишь взглянул на нее строго. Спросила она:

— Ты зол на меня?

Вновь ничего не сказал он, и тогда она промолвила:

— Остались ли чувства твои прежними? Ибо собираюсь я поступить, как будто все между нами осталось по-прежнему, кто бы ни целовал мои неподатливые губы и кого бы твои губы ни целовали. Но коль ты переменялся, и не готов больше дарить мне своей любви, и не алчешь моей, тогда ждет сия сталь — и тут вытащила она нож из-за пояса — того негодя и труса, из-за которого гневаешься ты на меня, милый друг! Но коль не переменялся ты и в силе наша клятва, тогда

пройдет немного времени, и сможем мы оставить все зло, и коварство, и печаль позади, и будет ждать нас великая радость, и долгая жизнь, и посмертные почести — сделай только то, что скажу тебе, о мой любимый, мой добрый друг и единственный!

Взглянул он на нее, и столь сладка была ее нежная любовь, что грудь его сдавило, изменился он в лице, глаза наполнились слезами, и зарыдал он, и протянул к ней руку.

Тогда молвила она с превеликой нежностью:

— Теперь воистину вижу я, что все хорошо меж нами. И суровая мука то для меня, что даже сейчас не могу я взять твоей руки, не могу обнять тебя и поцеловать уста, что любят меня. Но ничего не попишешь. Милый, хоть и рада была бы я постоять с тобой подольше, даже ежели не сказали бы мы друг другу ни слова, но быть нам вместе опасно, ибо приставлен ко мне злой соглядатай, который сейчас следует за Королевичем, однако вернется, едва проводит его до дома, и посему мы должны распрощаться. Но скажу тебе вот что: велики познания госпожи в чародействе, и все ж я тоже кое-что в нем смыслю, и умею я (чего ей не дано) столь преобразить облик человека, что станет он казаться кем-то другим, да-да, могу я сделать так, что один сойдет за другого. Теперь следующее: что бы ни потребовала от тебя госпожа, отнекивайся не долее, чем будет ей то приятно. И еще кое-что: где бы ты меня ни встретил, не говори со мной, не делай мне знаков, даже когда кажется, будто я одна, покуда не наклонюсь и не дотронусь до кольца на лодыжке правой рукой, но коль увидишь то, не колеблись и подойди. И последнее, милый друг. Когда освободимся мы и узнаешь, что я сотворила, молю, не сочти меня злом и не гневайся на меня за мои деяния, ведь хорошо тебе известно, что тяжелей мне пришлось, чем иным женщинам. Ну вот все и сказано, друг мой сердечный, теперь же прощай, прощай!

С этими словами повернулась она и побежала к дому, но почему-то не прямо, а кружным путем. И когда скрылась она из виду, опустился Уолтер на колени и поцеловал землю, которой касались ее ноги, а после поднялся и побрел к дому, но медленно, часто останавливаясь по пути.

Глава XVII. О домике и о наслаждениях в лесу

На следующее утро долго блуждал Уолтер вокруг дома без цели, покуда солнце не поднялось высоко, а засим, около полуд-

ня, взял он лук да стрелы и направился в лес к северу добыть себе оленины. Довольно далеко забрел он, прежде чем удалось ему подстрелить олененка, и тогда сел он передохнуть под сенью раскидистого каштана, ибо самая знойная дневная пора еще не минула. Оттуда оглядел он окрестности и увидел внизу маленькую ложбину, по которой бежала славная речка, и пришло ему на ум искупаться, и вот он спустился и сполна насладился водой да поросшим ивами берегом, ибо долго лежал он обнаженным на траве у кромки воды, нежась в колеблющейся тени и упиваясь легким ветерком, что гнал рябь по реке.

Затем надел он свое платье и стал было подниматься обратно, но едва ступил три шага, как увидал, что идет к нему вверх по течению вдоль реки женщина. Сердце затрепетало у него в груди, когда узрел он ее, ибо она нагнулась и опустила руку, словно хотела коснуться лодыжки, и оттого почудилось ему сперва, будто то была Девица, однако через мгновение понял он, что пред ним Леди. Стояла она теперь неподвижно и глядела на него, и потому решил он, что желает она, дабы он приблизился. Тогда пошел он ей навстречу и, пока шел, стыдом преисполнился и благоговением, ибо облачена она была в одно лишь одеяние из шелковистой темно-серой материи с вышитой примерно посередине гирляндой из цветов, и было сие одеяние столь тонким, что, когда ветер раздувал его, скрывало оно ее (кроме расшитого цветами места) не более, чем ежели бы то была струящаяся по ее телу вода; довольством был полон ее улыбающийся лик и веселием, когда заговорила она с Уолтером ласково и молвила:

— Доброго дня желаю тебе, славный паж, и рада я нашей встрече, — и протянула она ему руку. Опустился он пред ней на колени, и поцеловал протянутую длань, и, так и стоя на одном колене, повесил голову.

Она же расхохоталась и нагнулась к нему, взяла его за руки, подняла и промолвила:

— В чем дело, паж мой, почто кланяешься ты предо мной, словно пред идолом божества?

Отвечал он, запинаясь:

— Того не ведаю, может статься, ты и есть божество, и я страшусь тебя.

— Неужто! — воскликнула она. — Более, чем вчера, когда лицезрел ты, как страху поддалась я?

Ответствовал он:

— Да, ибо сейчас лицезрею я тело твое, и мнится мне, будто не было подобных тебе со времен древних язычников.

Засим серьезным стало улыбающееся лицо ее, и сама она приняла вид одновременно величавый, милостивый и добрый, и взяла она его за руку, и молвила:

— Быть может, мнишь ты покои мои в Златом чертоге Леса слишком царственными, ведь не привык ты повелевать. И потому удачно выбрал ты место, где мы встретились сегодня, ибо на том берегу реки, совсем неподалеку, находится мой домик наслаждений, кой, по правде, не каждый, кто приходит в сей край, сумеет найти; и там стану я для тебя как будто бы деревенской простушкой, и тебе не придется меня смущаться.

Незаметно приблизилась она к нему вплотную, пока говорила, и желал он того иль нет, но ее сладостный голос вызвал дрожь наслаждения в глубинах души его, и она поглядела на него искоса взором довольным и счастливым.

И вот перешли они речку вброд ниже того места, где купался Уолтер, и вскорости подошли к высокой плетеной изгороди с простыми воротами. Отворила Леди ворота, и очутились они в прекраснейшем из садов с розовыми кустами, да жимолостью, да липой в цвету, да зеленой травой, разделяющей клумбы с лилиями, и гвоздиками, и другими прелестными цветами. И через сад оный пробежал ручей, впадающий в речку, которую перешли они давеча, а посредине стоял деревянный домик с желтой, словно совсем недавно крытой, соломенной крышей.

Тогда огляделся Уолтер, и сперва подивился, и попытался предугадать, что случится далее и чего ему следует ожидать, но мысль его не в силах была задержаться ни на чем ином, кроме красоты Леди посреди красот сада, и теперь, когда сделалась она такой доброй и ласковой и даже как будто робкой с ним, едва ли сознавал он, чью руку держит и чьи благоуханные перси и тонкий стан подле него.

Так бродили они среди цветов, пока день шел на убыль, а когда ступили наконец в прохладный сумрак дома, то предались любви и забавам, словно были двумя бесхитростными влюбленными, которые не страшились утра и меж которых не посеяны были зерна вражды и смерти.

Глава XVIII. Девушка назначает Уолтеру свидание

Наутро, пробудившись, обнаружил Уолтер, что лежит одиошенок и что час уже поздний, и потому поднялся он и прошелся по всему саду из конца в конец, но никого не нашел, и хоть боялся он повстречаться с Леди, все же было у него печально на сердце и страх одолевал перед грядущим. Однако

же обнаружил он ворота, чрез которые вошли они вчера, и вернулся обратно в маленькую ложбину, но, сделав шаг или два, оглянулся и не увидел ни сада, ни изгороди, ни единого следа того, что являлось здесь его взору лишь малое время назад. Нахмурил он чело и стал неподвижно, размышляя над этим, и на сердце у него становилось все тяжелее, но вскорости отправился он дальше своей дорогой и перешел речку, однако едва поднялся на поросший травой склон на противоположном берегу, как увидел женщину, идущую ему навстречу, и поначалу, под впечатлением от событий вчерашнего и чудесного сада, решил, что это Леди, но женщина остановилась, нагнулась и положила руку на лодыжку, и тогда узнал он, что то была Девица. Он приблизился к ней и увидел, что облик ее отнюдь не печален, как в их последнюю встречу, а напротив, раскраснелась она и глаза ее сияют.

И пока шел он к ней, сделала она шага два ему навстречу, простирая руки, но затем осадила себя и промолвила, улыбаясь:

— Ах, друг мой, быть может, в последний раз тебе скажу: нет, не касайся меня, даже руки моей, даже подола моего одеяния.

Радостно стало на сердце его, и поглядел он на нее любовно, и молвил:

— А почему, что случилось?

— О друг мой, — начала она, — вот что случилось.

И увидел он, что внезапно померкла улыбка у нее на устах и она смертельно побледнела, даже самые губы ее; глянула она налево, где текла речка, и, когда проследил Уолтер за ее взглядом, показалось ему на мгновение, будто увидел он, как из-за серого камня выглядывает безобразная желтая личина карлика, но в следующий миг все пропало. Тогда Девица, хоть и бледная как смерть, продолжала ясным, спокойным и твердым голосом, в котором не было ни доброты, ни радости, повернувшись лицом к Уолтеру и спиной к реке:

— А то случилось, друг мой, что нет боле нужды нам сдерживать нашу любовь, и потому говорю тебе: приходи ко мне в опочивальню (за красной дверью, что напротив твоей, хоть ты доселе о том и не ведал) за час до грядущей полуночи, и тогда твоим и моим печалям подойдет конец, а теперь должна я удалиться. Не ходи за мной, но помни!

И со словами сими она повернулась и умчалась, точно ветер на реке.

А Уолтер стоял в растерянности, не зная, что и думать, к добру или к худу были ее слова, ибо видел он, как она побледнела, как охватил ее ужас при появлении уродливой головы, однако в то же время мнилось ему, будто сказала она именно то, что намеревалась сказать. Но как бы там ни было, сказал

он себе вслух: “Что бы ни принесло мне грядущее, явлюсь я на свидание”.

Засим обнажил он свой меч и огляделся вокруг, как будто в поисках той злобной твари, но глазам его не открылось ничего, кроме травы, да речки, да кустов в ложбине. Тогда, по-прежнему держа в руке обнаженный меч, стал он взбираться вверх по склону, ибо то был единственный известный ему путь ко Златому чертогу, и, когда взобрался, и в лицо ему повеял летний ветерок, и взглянул он вниз на прекрасные зеленые луга, усеянные величавыми дубами да каштанами, — тогда освежила его животворная сила земли, и, сжимая добрый меч, ощутил он, что есть в нем сила и страсть, и мир стал казаться открытым ему.

И тогда он улыбнулся, пусть и несколько мрачно, вложил меч в ножны и направился к дому.

Глава XIX. Уолтер отправляется за львиной шкурой

Прошел он через портик в прохладный сумрак дома и, посмотрев в конец залы с колоннами, увидел, как за фонтаном блеснуло золото, и, миновав фонтан оный, поднял взор на возвышение, а там — глядь! — сидит Леди в своем царственном одеянии. Подозвала она его, и он приблизился; она его поприветствовала и заговорила спокойно и милостиво, но так, будто был он всего лишь верным слугой для нее, благородной Леди.

— Паж, — молвила она, — мним мы подобающим получить шкуру вражьего слуги, того льва, коего убил ты накануне, для ковра под наши стопы, а посему ступай, возьми нож и сними со зверя шкуру да принеси мне. То будет вся твоя служба на сегодня, и потому можешь приступить к ней, когда сочтешь нужным, и не утомлять себя. Да сопутствует тебе удача.

Преклонил он пред ней колено, и она улыбнулась ему милостиво, но не подала руки для поцелуя, и казалось, будто мало он ее заботил. И потому, против воли и даже ведая о ее коварстве, не мог он не дивиться, что то была та, кто давеча всю ночь лежала в его объятиях.

Как бы там ни было, отправился он в чашу, где убил льва, и добрался туда уже после полудня, в самую жаркую пору дня. И вот приблизился он к тому самому месту, где лежала Леди, павшая в ужасе предо львом, и трава там, где она лежала, была примята, словно на ней лежал заяц. Но когда подошел Уол-

тер к тому месту, где убил могучего зверя, — глядь! — а тот исчез бесследно, и остались только отпечатки ног Уолтера и два древка, которые он выпустил, одно — красное, а второе — синее. Поначалу подумалось ему: “Верно, кто-то был здесь и унес тушу”. Но затем засмеялся он над этой мыслью и сказал себе: “Не могло этого быть, ведь на земле нет ни следа того, что по ней волокли такое исполинское тело, ни крови, ни клочков шерсти, которые остались бы, кабы его взрезали, да и трава не вытоптана, как ежели бы множество людей собралось, дабы совершить сие деяние”. Тогда охватил его стыд, и снова посмеялся он презрительно над собой и подумал: “Поистине мнил я, что поступил мужественно, а теперь вижу, что не подстрелил ничего и ничего не поразил меч сына моего отца. И теперь мнится мне, что земля эта соткана из одной лишь лжи и нет в ней ничего настоящего и живого, кроме меня. Да, и деревья с зеленой травой вскоре исчезнут и оставят меня падать сквозь облака”.

И с такими мыслями отправился он прочь по дороге, что вела к Златому чертогу, гадая, что приключится с ним далее, и оттого шагая медленно, погружившись в раздумья. Так добрался он до первой чащи, где упустили они добычу в озерце; вошел он туда, размышлениями полон, искупался в том озерце, а после побродил еще немного, но не встретил ничего нового.

Тогда снова пустился он в обратный путь, а день тем временем шел на убыль, и уже почти на закате добрался он до дома, хотя все еще скрыт был дом невысокой грядой, что выростала пред ним; там он остановился и огляделся.

И вот у него на глазах на гряде оной показалась женщина, которая остановилась у края и осмотрелась, а затем прытко сбежала вниз навстречу Уолтеру, который тотчас же узрел, что то была Девица.

Не остановилась она, покуда не оказалась в трех шагах от него, и тогда, нагнувшись, подала условленный знак, а затем заговорила задыхающимся от бега голосом:

— Слушай! Но молчи, пока не закончу: назначила я тебе сегодня свидание, потому как видела, что поблизости тот, кого надобно было мне обмануть. Но заклинаю тебя твоей клятвой, и любовью твоей, и всем, что ты есть: не ходи ко мне в час ночной, который назначила. Когда же время подойдет к полуночи, спрячься в зарослях орешника неподалеку от дома и жди меня там. Услышал ли ты меня и исполнишь ли? Отвечай скорее “да” или “нет”, ибо ни на миг нельзя мне задерживаться. Кто знает, что у меня за спиной?

— Да, — поспешно отвечал Уолтер, — но друг мой и любима...

— Ни слова боле, — промолвила она, — надейся на лучшее.

И, отвернувшись от него, помчалась она прочь, но не туда, откуда появилась, а в сторону, как будто желая достичь дома кружным путем.

Уолтер же медленно побрел своей дорогой, думая про себя, что ничего ему ныне не остается, кроме как воздержаться от действий и предоставить их другим, однако мало доблести мнил он в том, чтобы быть пешкой на доске, движимой чужой волей.

Итак, поднялся он на вершину гряды, откуда виднелся лежащий внизу (едва ли далее, чем на расстоянии полета стрелы) Златой чертог, что искрился и пламенел в лучах заходящего солнца. И в это самое мгновение показался впереди некто нарядный обликом, сверкающий золотом, серебром и сталью — то был Королевич. Вскорости встретились они, и Королевич повернулся, дабы идти вместе с Уолтером, и промолвил весело:

— Доброго вечера тебе желаю, паж моей Леди! Должен оказать я тебе учтивость, ибо благодаря тебе будет мне сегодня счастье, и завтра, и много-много дней впереди, да и, правду сказать, не слишком учтиво вел я себя с тобою доселе.

Радостью дышало его лицо, и глаза сияли. Был он хорош собою, но Уолтеру казался дурным, и так ненавидел его Уолтер, что тяжело ему было отвечать, но он сдержал себя и молвил:

— Благодарю тебя, Королевич, и приятно слышать, что кто-то счастлив в сей земле диковинной.

— Что ж, — молвил Королевич, — кто же несчастен, по твоему разумению? — И посмотрел он на Уолтера пронизательно.

Отвечал Уолтер медленно:

— Когда впервые увидал тебя, да и после, казался ты недвольным и мрачным.

Лицо Королевича посветлело при сих словах, и он промолвил:

— Да, так и было, и скажу я тебе, по каким двум причинам: был я в неволе и посеял сокровенное желание сердца своего туда, где оно не дало всходов. Но ныне вот-вот наступит свобода и уж скоро желание мое расцветет. Однако же, паж, за доброго почитаю я тебя молодца, хоть, быть может, и простофилю, а посему не стану боле говорить загадками. Дело вот в чем: обещала мне Девица исполнить мою просьбу и теперь принадлежит мне, а через два-три дня с ее помощью вновь увижу я мир.

Спросил Уолтер, недоверчиво ему улыбаясь:

— А Леди? Что она на это скажет?

Королевич зарделся, но выдавил неискреннюю улыбку и промолвил:

— Сэр паж, знаешь ты достаточно, дабы не было тебе нужды сие спрашивать. Зачем говорить мне тебе, что мизинец твой почитает она больше всего моего тела. Могу сказать я тебе о том спокойно, во-первых, потому, что освобождение мое из рабства и исполнение моего желания в некотором роде твоя заслуга. Ибо ты пришел мне на замену и занял мое место подле сего прелестного тирана. За меня не страшись! Отпустит она меня. Страшись за себя! Но опять же, говорю тебе сие, потому как легко и радостно у меня на сердце, и в том, чтобы поведать тебе, для меня удовольствие, а вреда никакого. Ибо коль скажешь ты: “Что, ежели передам я речи сии моей Леди?”, отвечу я: того ты не сделаешь. Ибо ведомо мне, что сердце твое в некоторой степени влечет к драгоценности, которой я владею, и знаешь ты прекрасно, на чью голову падет гнев Леди, и будет та голова ни твоей, ни моей.

— Правду ты молвишь, — отвечал Уолтер. — К тому же не доносчик я.

Так шли они молча какое-то время, а потом Уолтер спросил:

— Но что, кабы Девица отказала тебе, что бы ты тогда сделал?

— Клянусь небесами! — яростно отвечал Королевич. — Дорого поплатилась бы она за свой отказ: я бы... — но тут он осекся и молвил тихо, однако настойчиво: — Зачем говорить о том, что могло бы быть? Дала она мне свое согласие ласково и с охотой.

Теперь Уолтер знал, что Королевич лжет, и посему сохранил спокойствие, но через какое-то время спросил:

— Когда обретешь свободу, отправишься ты в родную землю?

— Да, — отвечивал Королевич. — Ответит она меня туда.

— А сделаешь ли ее своей леди и королевой, когда возвратишься в землю своего отца? — спросил Уолтер.

Нахмурился Королевич и молвил:

— Когда окажусь я в своей земле, волен буду поступить с ней, как пожелаю, однако прослежу, дабы ни в чем она не знала нужды.

Засим разговор меж ними прервался, и Королевич, весело напевая, повернул к лесу, а Уолтер в задумчивости пошел к дому. По правде, был он не слишком опечален, ибо знал он, что лживы слова Королевича, вдобавок казалось ему, будто за сим двойным свиданием кроется нечто в его, Уолтера, пользу. И все же он был, ежели и не подавлен, то в смятении, и душа его металась меж надеждой и страхом.

Глава XX. Уолтеру назначают иное свидание

[184]

ил 10/2018

Вошел он в залу с колоннами и увидел Леди, которая ходила взад-вперед по возвышению, и, когда он приблизился, повернулась она и промолвила голосом скорее напористым, чем сердитым:

— Что совершил ты, паж? Зачем явился предо мною?

В смущении склонился перед нею Уолтер и отвечал:

— О милостивая Леди, дала ты мне поручение, вот я и приступил к нему.

Отвечала она:

— Скажи мне тогда, скажи, что приключилось?

— Леди, — отвечал он, — когда вошел я в ту чашу, где лишилась ты чувств, не нашел я ни тела льва, ни следов того, что кто-то его уволок.

Посмотрела она в лицо ему пристально, а затем вернулась к своему креслу, и опустилась на него, и некоторое время спустя заговорила уже мягче:

— Разве не сказала я тебе, что то врага моего происки? А теперь зришь ты это и сам.

Затем вновь умолкла она, нахмутив чело и стиснув зубы, а после заговорила сурово и яростно:

— Но я возьму над ней верх и сделаю дни ее черными, но не дам ей смерти, дабы умирала она множество раз и познала муки души, когда враги близко, а друзья далеко и некому даровать избавление!

Глаза ее засверкали, лицо потемнело от гнева, но тут она повернулась и увидела взгляд Уолтера, и строгость его лица, и тотчас же смягчилась она и промолвила:

— Но тебя все это мало касается, и теперь к тебе я обращаюсь: грядет вечер, а за ним ночь. Ступай в свои покои, и там найдешь одеяние, достойное тебя, и того, что ты есть, и того, чем станешь; облачись в него, а засим возвращайся сюда и поешь да выпей со мною, а после ступай, куда пожелаешь, покуда ночь не дойдет до середины, а там приходи в мою опочивальню, куда попадешь чрез дверь из слоновой кости на верхней галерее, и тогда скажу я тебе кое-что, что нам с тобой послужит во благо, но горем обернется для врага.

И со словами сими подала она ему руку, и он поцеловал ее, и отбыл в свои покои, и там нашел одеяние, богатое сверх всякой меры, и задумался, нет ли в том очередного подвоха, однако, ежели и был он, не видел он способа избежать его, а посему надел он приготовленные одежды и стал подобен ве-

личайшему из королей, но прекраснее обликом, чем любой король в мире.

Засим возвратился он в залу с колоннами, а за окнами уже ступила ночь, и взошла луна, и деревья в лесу стояли недвижно, точно статуи. Но в зале ярко горело множество свечей, и в огнях их искрилась вода в фонтане, что, сладко журча, стекала в канал, и сверкали серебряные мостки, и сияли колонны вокруг.

А там на возвышении был воздвигнут стол, поистине по-королевски накрытый, и восседала Леди в самом великолепном своем одеянии, а за ее спиной скромно стояла Девица, в затканном мерцающим золотом платье, но с босыми ногами, и на ее лодыжке виднелось железное кольцо.

Подошел Уолтер к возвышению, и Леди поднялась, и приветствовала его, и взяла его за руку, и облобызала в обе щеки, и усадила подле себя. И приступили они к трапезе, а Девица им прислуживала, однако обращала на нее внимание Леди не более, чем на колонну, Уолтера же она то и дело ласкала нежными словами да касаниями руки и давала ему пить из своего кубка и есть из своего блюда. Что до него, то казался он смущенным, а на самом деле страшился; принимал он ласку Леди со всей учтивостью, на которую был способен, и не осмеливался даже беглый взгляд кинуть на Девицу. Поистине долгой казалась ему трапеза и еще дольше пришлось ему терпеть сие утомительное времяпрепровождение, любезничая с врагом и держась холодно с другом, ибо после трапезы еще сидели они некоторое время, и Леди расспрашивала Уолтера о мирских обычаях, и он отвечал ей, сам же думал, как поступить с двумя назначенными ему свиданиями.

Наконец заговорила Леди и молвила:

— Теперь должна я покинуть тебя ненадолго, и тебе известны час и место нашей следующей встречи, а куда располагай собою, как пожелаешь, так, чтобы не утомить себя, ибо желаю я видеть тебя полным бодрости.

Засим поднялась она величаво, однако прежде чем удалиться, поцеловала Уолтера в уста. Девица последовала за ней, но прямо перед тем, как выйти из залы, она нагнулась и подала знак, а затем поглядела через плечо на Уолтера, словно бы вопрошая его, и страх, и тревога были в ее лице, но он кивнул ей, подтверждая свидание в зарослях орешника, и в мгновение ока она скрылась.

Уолтер пересек залу и вышел в раннюю ночь, однако в портике столкнулся с Королевичем, который, поглядев, как блестят в лунном свете камня на его платье, засмеялся и промолвил:

— Как же ясно видно теперь, сколь возвысился ты надо мною, ведь я всего лишь королевич, да и то из далекой страны, тогда как ты король над королями иль будешь им сей ночью, о да, королем той самой страны, где мы оба ныне пребываем.

Заметил Уолтер насмешку, что крылась за его словами, однако сдержал гнев свой и отвечивал:

— Благородный сэр, так же ли доволен ты своим жребием, как и когда заходило солнце? Не появилось ли у тебя сомнений иль страхов? В самом ли деле сдержит Девица свое обещание, или ответила она тебе согласиём, только чтобы выгадать время? И впрямь, не обратится ли она к Леди в поисках защиты от тебя?

Едва только вымолвил слова он сии, как пожалел о том и утратился за себя и за Девицу, не зародил ли он ненароком тревожных сомнений в неразумном сердце юноши. Однако Королевич лишь засмеялся и пропустил мимо ушей слова Уолтера, кроме последних, и молвил:

— Да-да! Слова твои являют, как мало тебе ведомо о том, что лежит между моей милой и твоей. Станет ли ягненок просить защиты от пастуха у волка? Так и Девица не станет просить защиты от меня у твоей Леди. Право! Спроси на досуге свою Леди, каковы ее обыкновения с ее рабыней, — пусть тебе о том поведаёт. Но потому лишь невредима ныне моя Девица, что сведуща она в целительстве иль кое в чем еще. И, повторюсь: придется оной Девице покориться моей воле, ибо будь я хоть дном морским (а я столь дурно о себе не сужу), госпожа же ее — сущий дьявол, и вскорости, быть может, ты это и сам изведашь. Да, счастье улыбается мне, и более чем.

И со словами сими он веселой походкой вошел в дом. А Уолтер отправился в ночь, побродил по округе с час или более, потом украдкой проник обратно в залу и оттуда — в свои покои. Там снял он королевское облачение и надел собственное платье, подпоясался мечом да ножом, взял лук со стрелами и снова украдкой покинул дом. Потом добрался он до зарослей орешника с севера, кружным путем, и спрятался, и лежал там в ожидании, пока не показалось ему, что близится полночь.

Глава XXI. Уолтер и Девица бегут из Златого чертога

И вот затаившись в орешнике, прислушивался он к малейшему шороху, но ничего не слышал, кроме ночных голосов леса, как вдруг донесся до него со стороны дома пронзительный

стенающий вопль. Сердце Уолтера встрепенулось, но не успел он ничего предпринять, ибо сразу же вслед за воплем слышались легкие приближающиеся шаги, ветви раздвинулись и показалась Девица в простом белом платье и с босыми ногами. И тогда впервые ощутил он сладость прикосновения ее плоти к его, ибо схватила она его за руку и, задыхаясь, вымолвила:

— Сейчас, сейчас! Быть может, есть еще время и, быть может, предостаточно. Не спрашивай меня ни о чем, дабы сберечь дыхание, но ступай за мной!

Не мешкая, последовал он за ней, и легок был шаг их обоих.

Отправились они тем же путем, на юг, куда ходил на охоту он с Леди; порою бежали они, порою шли шагом, но столь быстро продвигались, что встретили серый рассвет недалеко от львиной чащи, и все не останавливались, и мало говорила Девица, разве что словечко, дабы ободрить Уолтера, да иногда робкое слово ласки. Наконец занялся новый день, и, взобравшись на вершину гряды, увидели они пред собою равнину, на которой то здесь, то там росли деревья, а за равниной земля поднималась зелеными холмами, а за оными холмами, вдали, величественно вздымались голубые горы.

Засим заговорила Девица:

— В той стороне начинаются горы медведей, и пересечь их должны мы на нашу погибель. Нет, друг мой, — молвила она, когда схватил он меча своего рукоять. — Мудрость и терпение проведут нас там, а не бесполезный клинок одного человека, сколь бы ни был тот доблестен. Но гляди! Течет на равнине внизу речка, и надобно нам дать отдохнуть телам нашим. Более того, должна я поведать тебе свою повесть, и это гнетет мне душу, ибо, быть может, придется мне просить твоего прощения, и оттого страшусь я тебя.

Спросил Уолтер:

— Как может так быть?

Промолчала она, но взяла его за руку и повела вниз по склону. Однако он промолвил:

— Отдохнуть, говоришь ты, но разве не грозит нам погоня?

Отвечала она:

— Не могу того знать, пока не разведу, что случилось с нею. Коли не удалось ей послать за нами своих следопытов, то вряд ли они нас теперь нагонят, — ежели только не он.

И она содрогнулась, и Уолтер почувствовал, как трепещет рука, которую держал он.

Затем промолвила она:

— Но грозит нам опасность иль нет, все же надобно нам отдохнуть, ибо, повторюсь, гнетет мне душу страх пред то-

бою из-за того, что́ я должна тебе поведать, и потому не в силах продолжать я путь, покуда не расскажу все.

Тогда молвил он:

— О королеве сей, могуществе ее и слугах мне ничего не ведомо. Спрошу я о том после. Но разве нет еще Королевича, что пылает к тебе недостойной любовью?

Она слегка побледнела и ответствовала:

— Что до него, то никогда не грозил он мне ничем, кроме доноса, но отныне не сможет он меня боле ни любить, ни ненавидеть, ибо погиб он в полночь.

— И каким же образом?

— Позволь же поведать мне повесть мою с самого начала, а иначе слишком сильно станешь ты меня винить. Но сперва мы выкупаемся и устроим привал, какой сможем, и тогда, во время привала, все будет рассказано.

В этот миг подошли они к речке, что текла веселыми ручейками, собиравшимися в заводи меж камней да песчаных берегов. Промолвила Девица:

— Там, за сим серым камнем, моя купель, друг, а здесь — твоя, и гляди! Солнце всходит!

И вот скрылась она за упомянутым камнем, а он искупался, смыл с себя тяготы ночи, и, когда вновь оделся, она вернулась, посвежевшая и цветущая от воды, неся в подоле ягоды с диких кустов, что нависали над ее купелью. Сели они рядом на зеленой траве над песчаным берегом и утолили утренний голод свой дикими ягодами, и любовался Уолтер, созерцая красоту ее и прелесть, однако были они оба несколько смущены и робки друг с другом, и оттого целовал он лишь руки ее, и хотя не отстранялась она, но броситься в его объятия не осмеливалась.

Глава XXII. О карлике и прощении

Наконец начала Девица так:

— Друг мой, теперь поведаю тебе, что совершила я тебя и себя ради, и коль станешь винить меня и наказать захочешь, вспомни сперва, что совершила я то ради тебя и наших надежд на счастливую жизнь. Что ж, начну я вот с чего...

Но вдруг дар речи ее покинул, и, вскочив на ноги, она обернулась к гряде и указала пальцем, и была она при этом бледна как смерть, и дрожала так, что едва стояла, и не могла вымолвить ни слова, и только бессвязный лепет срывался с ее уст.

Уолтер вскочил и, заключив ее в объятия, посмотрел, куда она указывала, но поначалу ничего не увидел; потом — ничего,

кроме желто-бурого камня, катившегося по гряде, и тогда наконец узрел он, что это злобная тварь, кою он встретил, когда только пришел в сию землю; теперь же выпрямилось существо, и стало видно, что облачено оно в платье из желтой парчи.

Тогда нагнулся Уолтер, поднял лук свой и, закрыв собой Девуцу, наложил стрелу на тетиву. Но чудовище приготовило собственное оружие, еще когда Уолтер только нагнулся, и не успел он выстрелить, как пропела тетива, полетело древко и задело руку Девуцы повыше локтя, так что побежала кровь, и карлик издал ужасающий хриплый крик. Тогда полетела стрела Уолтера, и не промахнулся он, а попал точнехонько в грудь чудовищу, но отскочила стрела, словно был тот сделан из камня. Засим вновь издало существо свой ужасный крик и выстрелило еще раз, и показалось Уолтеру, будто поразил карлик Девуцу, ибо упала та наземь за его спиной. Тогда гневом воспылал Уолтер, и, отбросив лук, обнажил свой меч, и шагнул к гряде, на которой стоял карлик. Но вновь зарычал тот, и зазвучали слова в его рыке, и молвил он:

— Глупец! Сможешь уйти подобру-поздорову, коли отдашь врага!

— И кто же, — спросил Уолтер, — сей враг?

Закричал карлик:

— Она, бело-розовая тварь, что лежит там: она еще жива, она лишь умирает от страха предо мною. Да, и есть у нее на то причины! Мог бы я пустить стрелу ей в сердце с такой же легкостью, с какою в руку, но ее тело надобно мне живым, дабы мог свершить я над ним свою месть.

— И что ты с ней сделаешь? — спросил Уолтер, ибо теперь, когда услышал он, что не убита Девуца, вновь стал осторожен и остановился, выжидая удобного случая.

Так страшно закричал карлик, слышав слова его, что сперва невозможно было разобрать речь в его крике, а потом молвил:

— Что сделаю с нею? Отдай ее мне, а сам стой да смотри, и тогда неслыханную повесть сможешь поведать, когда уйдешь отсюда. Ибо отпущу я тебя на сей раз.

Вопросил Уолтер:

— Но какая нужда тебе мстить ей? Что она тебе сделала?

— Какая нужда! Нужда! — прорычал карлик. — Разве не сказал я тебе, что она есть враг? И теперь спрашиваешь ты, что она сделала! Что сделала! Глупец, она убивица! Убила она Леди, что была нашей Леди и что сотворила нас, ту, которой поклонялись мы и которую чтили. О дерзкий глупец!

И со словами сими выпустил он новую стрелу, которая попала бы Уолтеру в лицо, кабы тот за мгновение до того не на-

гнулся; засим с могучим криком взлетел Уолтер на гряде и, подскочив к Карлику прежде, чем тот успел обнажить меч, ударил клинком своим чудовище по темени, и такой силы пришелся удар, что разрубил тому голову до самых зубов, и упал тот замертво.

Постоял над ним Уолтер мгновение и, когда убедился, что тот недвижим, медленно воротился к реке, возле которой, все так же сжавшись и закрыв лицо руками, лежала дрожащая Девушка. Взял ее Уолтер за запястье и промолвил:

— Вставай, Девушка, вставай! Да расскажи мне о сем убийстве.

Но та отпрянула и, поглядев на него диким взглядом, спросила:

— Что сделал ты с ним? Его больше нет?

— Мертв он, — отвечал Уолтер. — Убил я его, вон он лежит на склоне с раскроенным черепом, ежели только, воистину, не исчезнет он, как лев, коего я зарубил! Или же, быть может, снова восстанет он к жизни! А ты не обман ли, остальным подобно? Поведай же мне о сем убийстве.

Поднялась она на ноги, и стала пред ним дрожа, и молвила:

— О, гневаешься ты на меня, и не вынести мне твоего гнева. Ах, что сделала я? Ты убил одного, а я, может статься, другую, и ни за что бы нам не сбежать, кабы не были эти двое мертвы. Ах! Не ведаешь ты того! Не ведаешь! Ах, я несчастная! Что сделать мне, дабы тебя умилостивить!

Поглядел он на нее, и сердце его сжалось при мысли о разлуке с ней. И не отводил он от нее взора, покуда ее несчастное ласковое лицо не растопило ему сердце, и тогда отбросил он свой меч, взял ее за плечи, облобызал ее лик и, прижав к себе, сладость ощутил ее персей. Затем поднял он ее, словно дитя, и усадил на зеленую траву, потом отошел к реке, наполнил водой свою шляпу и вернулся к ней; дал он ей напиток и омыл лицо ее да руки, отчего вновь порозовели ее щеки и губы, и она улыбнулась ему, и поцеловала его длани, и молвила:

— О, теперь ты добр ко мне.

— Да, — отвечал он, — и правда то, что коли ты убила, то я совершил не меньшее, и коли ты лгала, то и я поступал так же, а ежели вела ты себя двулично, чему я не верю, то уж я точно в том повинен. И посему прости меня и, когда дух твой окрепнет, поведай мне свою повесть, как другу, и со всей добротой и любовью ее я выслушаю.

И со словами сими встал он пред ней на колени и поцеловал ее стопы. Но она промолвила:

— Да-да, что желаешь ты, то я исполню. Но сперва ответь мне. Схоронил ли ты чудовище и спрятал ли его в земле?

Счел он, что страх помутил ее разум и едва сознает она, как обстоят дела. Однако отвечал:

— Друг мой милый, того я еще не сделал, но сейчас сделаю, коли мнишь ты это подобающим.

— Да, — отвечала она. — Но сперва отруби ему голову и, когда будет он в земле, положи ее у его ягодиц, иначе дурное случится. Поверь мне, сие не пустая просьба.

— В том не сомневаюсь, — отвечал он. — Конечно, такую злобу, что обитала в сем создании, тяжело убить.

И подобрав свой меч, повернулся он, дабы приступить к деянию.

Но она промолвила:

— Должна пойти я с тобою: так сильно ужас овладел душой моей, что не осмеливаюсь я остаться здесь без тебя.

Тогда пошли они вместе туда, где лежало существо. Девица не осмелилась взглянуть на мертвое страшилище, но Уолтер приметил, что было оно подпоясано грубым широким мечом с коротким лезвием; вытащил Уолтер меч сей из ножен и отсек ужасную голову твари ее же оружием. Тогда вдвоем стали рыть они землю, она — мечом Уолтера, а он — уродливым клинком чудища, покуда не вырыли достаточно широкую и глубокую могилу, и, сбросив туда тварь, закопали ее вместе с оружием.

Глава XXIII. О мирном окончании сего неистового дня

После того перешли они через реку и отправились в путь, а день меж тем был уже в разгаре. Но пройдя милю, сели они на пригорке в тени большого тернового дерева с видом на горы. Тогда промолвил Уолтер:

— Теперь вырежу я тебе башмаки из полы своего камзола, что как раз сгодится для сей работы, а ты покуда поведай мне свою повесть.

— Добр ты, — отвечала она, — но будь еще добрее и не топи с рассказом, пока не завершили мы дневные труды наши. Ибо негоже нам здесь медлить, ведь, хотя и убил ты короля карликов, есть у него сородичи, коими кишат здешние леса, как садок с кроликами. Правда и то, что неразумны они, неразумнее, быть может, простого зверья, и, как я уже говорила, ежели не послать их по нашему следу, аки псов гончих, не догадаются сами, где нас искать, однако можем мы столкнуться с ними из чистого невезения. И к тому же, друг мой, — продолжала она, вспыхнув, — молю тебя о небольшой пере-

дышке, ибо, хотя и не боюсь я боле твоего гнева, когда ты так добр ко мне, все же стыдно мне за то, что должна я тебе поведать. А посему, раз уж день далек до завершения, используем же его, сколь можем, и, когда сделаешь мне мою новую обувь, отправимся дальше.

Поцеловал ее Уолтер ласково и ответил согласием; уже приступил он к работе и через некоторое время соорудил ей кожаные башмаки; тогда подвязала она их к ноге, поднялась, улыбаясь, и молвила:

— Теперь вновь полна я сил: исцелили меня отдых и твоя забота, и увидишь ты, с каким проворством покину я землю сию, как бы прекрасна она ни была. Ибо воистину земля лжи это и горе несет детям Адамовым.

И вот отправились они дальше, и поистине проворно шли, и не останавливались, покуда не минуло часа три пополудни: тогда устроили они привал на опушке чащи, где во множестве росла клубника; поели они той клубники, а затем подстрелил Уолтер на ужин дикого голубя, что сидел на могучем дубу возле них, и потом второго, подвесил их к поясу, и с тем пошли они дальше, и ничего не приключилось боле с ними, о чем стоило бы рассказывать, покуда не добрались они за час до заката к берегам другой реки, не слишком большой, но шире, чем предыдущая. И там опустилась Девица наземь и вымолвила:

— Друг мой, давай остановимся на сегодня, ибо, правду сказать, идти дальше твой друг не в силах. Так поедим же сей дичи, и затем будет моя повесть рассказана, ибо не могу того доле откладывать, а потом, верю я, будет сон наш легок и сладок.

Говорила она теперь весело, как тот, кто ничего не страшится, и согрели Уолтера слова ее и голос, и развел он костер, и выкопал очаг в земле, а после ошипал птицу и запек ее на манер охотников и дроворубов. Поели они в любви да согласии и в довольстве жизнью, и зело подкрепил их сей ужин. А когда закончили, заготовил Уолтер дров, дабы поддерживать огонь и против полуночной и предрассветной сырости, и против диких зверей, и к этому времени наступила ночь да взошла луна. Тогда села Девица поближе к огню, повернулась к Уолтеру и заговорила.

Глава XXIV. Девица рассказывает, что приключилось с ней

— Теперь, друг мой, поведаю, что сумею, и будут свидетелями мне свет луны да огонь костра. Происхожу ли я из детей Адамо-

вых, о том не ведаю, и не знаю, сколько мне минуло лет. Ибо есть в моей жизни времена, о которых лишь немного смутно я помню и, несомненно, многое позабыла. Помню себя ребенком малым: счастлива была тогда и окружена людьми, коих любила и кои любили меня. Было то в иной земле, и все в ней было прекрасно: начало года, середина года, угасание года, конец года и снова начало. Но все то прошло, и затем наступило время, о котором помню я не то что бы смутно, а вообще ничего, кроме того, что я существовала. Дальше снова я помню: уже отроковица я, и кое-что знаю, и жажду узнать больше. Вовсе я не счастлива и нахожусь среди людей, что велят мне идти, и я иду, велят сделать то-то, и я делаю, никто не любит меня, никто и не мучает, однако истомилось сердце мое в тоске, а по чему — не ведаю. И опять я в иной земле, но земля эта не любя мне, и в доме я, просторном и величественном, но отнюдь не прекрасном. Потом снова провал, а за ним все как в тумане: злые то были времена, и я уже старше, почти взрослая женщина. Множество людей вокруг меня, и они порочны, жадны и жестоки, и дух мой могуч, а тело слабо, и мною помыкают те, кто не столь мудры, как я, и бьют те, кто меня трусливее, и познала я нужду, и плеть, и другие печали. Но все это, однако, видится мне смутно, кроме того только, что есть у меня один друг среди недругов, старуха, что рассказывает мне чудесные повести об иной жизни, где все исполнено благородства или, по меньшей мере, отваги, и сеет она надежду в моем сердце, и учит меня, и чрез нее узнаю я многое... о многое... так что под конец становлюсь премудрой и могу стать могущественной, коли осмелюсь. Но и то все было в иной земле; на сей раз, как кажется, в великом и порочном граде.

А затем как будто заснула я, и во сне моем нет ничего, кроме повторяющегося дикого видения, порою прекрасного, порою ужасающего, и в видении том появляется моя госпожа и чудище, чью голову раскроил ты сегодня. Но когда пробудилась я, поистине оказалась в этой земле и собою, такую, какой зришь ты меня ныне. И первое мое воспоминание о жизни здесь таково: я в той зале с колоннами, полуодета и со связанными руками, и подводит меня карлик к Леди, и слышу я его ужасное хриплое карканье, когда молвит он: “Сгодится ли эта, Леди?”, и затем нежный голос Леди отвечает: “Сгодится, получишь ты свою награду; теперь же надень на нее знак”. Потом помню, как тащит меня карлик прочь и сердце мое сжимается в страхе пред ним, однако в тот раз не причинил он мне вреда и лишь надел на ногу железное кольцо, кое ты на мне видишь.

И вот с той поры жила я в сей земле и была невольницей Леди, и помню я каждый день моей жизни здесь, и ни один из них

не потускнел в моей памяти. Об этом поведаю тебе немного, но одно скажу: невзирая на долгий сон мой, а может статься, и благодаря ему, не утратила я премудрости, коей обучила меня старуха, и еще большей премудрости жаждала. Быть может, ныне послужит жажда эта к нашему счастью, но в прошедшие годы принесла она мне горе. Ибо поначалу госпожа моя была со мной поистине снисходительна, точно всякая знатная леди с купленной рабыней, и то ласкала меня, то бранила, как велело ей ее настроение, но не казалась она ни жестокой, ни таящей злобные помыслы. Но так уж случилось (скорее исподволь, чем посредством нежданного моего разоблачения), что прознала она, что и мне подвластна та мудрость, чрез которую вела она свою царственную жизнь. Два года спустя это было, после того как стала я ее рабой, и еще два тягостных года минуло, прежде чем начала она во мне видеть врага своих дней. Однако казалось, будто не к добру ей будет (по какой уж причине, того не ведаю) убить меня сразу или замучить до смерти, хотя ничто не удерживало ее от того, чтобы взваливать горести и страдания мне на плечи. Наконец напустила она на меня слугу своего, карлика, того самого, чью главу разрубил ты нынче. Многое претерпела я от него такого, о чем язык мой не повернется тебе поведать, но настала пора, когда он преступил черту и не могла я боле терпеть; тогда показала я ему сей вострый нож (коий вонзила бы я себе в сердце, кабы не простил ты меня давеча) и сказала, что, коли не оставит он меня в покое, я убью, но не его, а себя, а этого он допустить не мог, ибо приказала ему Леди во что бы то ни стало хранить мне жизнь. Таким образом, страх несколько сдерживал его с той поры. Однако потребовалась мне вся моя премудрость, ибо все это только усилило ее ненависть и временами клокотала та в ней столь яростно, что пересиливала страх, и в такую минуту убила бы она меня, кабы не спасали меня мои знания.

Теперь поведаю тебе о том, как чуть более года назад пришел в сей край Королевич, второй пригожий молодец (тогда как ты третий), коего, с тех пор как я здесь поселилась, завлекли сюда ее чары. Воистину, когда появился он здесь, казался он нам, мне и более того моей Леди, прекрасным, словно ангел, и страстно она любила его, а он — ее, на свой манер, но был он ветренен и жестокосерд, и спустя какое-то время обратил свой взор на меня, и предложил мне любовь свою, что низменной оказалась и недоброй, ибо, когда отказала я ему, чего, может статься, не сделала бы, кабы не страх перед Леди, не пожалел он меня, а подвел под ее гнев и оставил без помощи да без доброго слова. Однако, друг мой, вопреки всем терзаниям, мудрость моя все росла, и я ждала дня своего избавления, и он настал, и ты пришел.

И со словами сими взяла она руки Уолтера и поцеловала их, а он облобызал ей лицо, и слезы ее омочили ему губы. Затем продолжила она:

— Но с той поры, несколько месяцев назад, Леди стала охладевать к этому негодяю, несмотря на всю его красоту, и пришел твой черед попасть ей в сети; отчасти догадываюсь я, каким образом. Ибо однажды среди бела дня, когда прислуживала я госпоже в зале, а злобная тварь, которой сегодня раскроил ты голову, лежала на пороге, охватило меня наваждение, как ни старалась я, страшась наказания, его отогнать: зарябила зала с колоннами и исчезла, и под ногами моими вместо чудесного мраморного пола оказалась грубая бульжная мостовая, и ноздрей моих коснулся запах соленого моря и корабельных снастей, и позади меня появились высокие дома, а предо мной — те самые корабли с бьющими на ветру веревками, хлопающими парусами да колышущимися мачтами, и уши мои наполнились гомоном моряков — все это видала и слышала я прежде, в туманную пору своей жизни.

И вот восхожу я вместе с карликом впереди меня и Леди позади по трапу на борт большого корабля, который затем отчаливает и выходит из гавани, и вижу я, как моряки поднимают свой флаг.

Воскликнул Уолтер:

— Как! Видала ли ты восстающего волка и деву на нем? Это вполне могла быть ты.

Отвечала она:

— Да, то самое на нем и было, но удержись от распросов, дабы могла я закончить свою повесть! Море с кораблем исчезли, и вновь очутилась я в зале Златого чертога, а потом опять перенеслись мы на улицы того града, коий только что покинули, однако на сей раз видение было несколько смутным, и мало что разглядела я, окромя двери большого дома предо мной, и быстро все рассеялось, и мы вернулись в залу с колоннами, где явным сделалось мое рабство.

— Дева, — промолвил Уолтер, — один вопрос лишь задам тебе, а именно: не видала ли ты меня на берегу возле кораблей?

— Нет, — отвечала она, — много там было разного люда, но все они были для меня лишь чужаками. Слушай же далее: три месяца спустя, когда мы все трое находились в зале с колоннами, явилось мне новое видение, и было оно опять несколько смутным. Вновь оказались мы на улицах оживленного града, но совсем непохожего на предыдущий, и по правую руку от нас стояли возле двери дома два мужа.

— Да-да, — промолвил Уолтер, — и воистину один из них был не кто иной, как я.

— Дней через двадцать после сего последнего видения была я свободна от службы моей госпоже и потому пошла развеяться к источнику под дубом; сидела я там не с миром, но с тревогой на сердце, ибо в последнее время Королевич настойчивее, чем когда-либо, требовал от меня уступить ему мое тело, угрожая при отказе предать меня каждодневному поруганию и самым страшным из пыток. Признаюсь: мужество меня покинуло, и близка я была к тому, чтобы подчиниться его желаниям, дабы отделаться малым злом и избежать худшего. Но здесь должна я тебе сказать кое-что, и молю: отнесись к моим словам со всей серьезностью. Более чем что бы то ни было, придавало мне силы отказывать негодяю то, что премудрость моя была и остается премудростью мудрой девы, а не женщины, ибо силы своей могу лишиться я вместе с девичеством. Худое подумаешь ты обо мне тогда, ибо столь тяжким подверглась я испытаниям, что готова была от всего отказаться — так малодушно сжималось сердце мое при мысли о гневe Леди.

Но вот когда сидела я там, размышляя над всем этим, показался вдали человек, и поначалу решила я, что то Королевич, однако незнакомец приблизился, и узрела я золотые волосы да серые глаза его, и затем услышала голос его, и доброта в нем пронзила мне сердце, и поняла я, что это друг нашел меня, и, о друг мой, плачу я от радости, ибо сладок был тот час!

Отвечал Уолтер:

— И я, и я нашел друга. Понял я, о чем просишь, и буду послушен твоей воле, покуда не оставим мы сию пустошь и всех злых тварей, что в ней обитают, позади, но ужель откажешь мне даже в простой ласке?

Засмеялась она сквозь слезы и молвила:

— О нет, мой бедненький, коль будешь ты благоразумен.

И тогда нагнулась она к нему, и взяла его лицо в ладони, и покрыла его поцелуями, и слезы выступили у него на глазах от любви и жалости к ней.

Вздыхнула она и продолжала:

— Теперь поведаю тебе вот что: до сего дня запрещала я тебе целовать и касаться меня, потому как знала, что госпожа, несомненно, проведает, ежели мужчина, ежели ты, дотронется с любовью хотя бы до пальца моего, и в то утро перед охотой лобзала да обнимала она меня, покуда чуть не умерла я, дабы испытать, и показала тебе мои ноги и мое плечо, дабы испытать тебя, не сверкнет ли взор твой, не зарумянятся ли ланиты, ибо поистине клокотала она от ревности. Далее, друг мой, еще когда только беседовали мы у источника под скалой, уже размышляла я, как спастись нам из сего царства лжи.

Быть может, скажешь ты: “Почто не взяла меня за руку и не сбежали мы, как сделали это нынче?” Друг мой, истинная правда в том, что, кабы не была она мертва, не удалось бы нам уйти так далеко. Ибо пришли бы за нами ее следопыты, коих натравила бы она, и привели нас назад к нашей злой участи. А посему скажу я тебе, что с самого начала замышляла смерть этих двух, карлика и госпожи. Ибо иначе не спастись было тебе и мне, не вернуться от смерти к жизни. А что до того негодяя, который рабскими муками мне грозил, то было мне все едино, жив он или мертв, ибо не сомневалась я, что твой доблестный меч да даже твои голые руки легко его укротят. В то самое мгновение, когда беседовали мы у реки, и я узрела, как злобная тварь (чью главу разрубил ты намедни) следит за нами, мелькнула среди ужаса, который всегда охватывал мой разум при воспоминании о твари и более того при виде ее (ах! он мертв нынче!), мысль, как сокрушить мне врага. И тогда сделала я карлика своим посланцем к ней, пригласив тебя к себе в опочивальню так, чтобы он услышал. Известно тебе, как быстро передал он сии вести. Я же тем временем поспешила обмануть Королевича и тайком позвала к себе его, а не тебя. А после, ожидая, и высматривая, и воспользовавшись единственной возможностью, что мне представилась, сумела я встретить тебя, когда возвращался ты из своего похода за шкурой льва, коего никогда не существовало, и предостеречь, а иначе воистину пришел бы нам конец.

Спросил Уолтер:

— Так был тот лев ее рук делом или твоих?

Отвечала Девица:

— Ее, почто мне таким заниматься?

— Да, — отвечивал Уолтер, — но обморок ее был настоящим, и по-настоящему разгневана она была происками врага.

Улыбнулась Девица и промолвила:

— Кабы ложь ее не столь походила на правду, не была бы она той искусницей, какой я ее знаю: не только язык может лгать, однако воистину гневалась она на врага непритворно, ибо врагом тем была я, и последнее время гнев ее преследовал меня неотступно. Но продолжу свою повесть.

Верь, что, когда воротился ты вечер в залу, госпожа уже знала о нашем мнимом свидании и готовила тебе не что иное, как смерть, однако сперва желала она в последний раз заполучить тебя в свои объятия и потому так обхаживала тебя за столом (а отчасти и, чтобы меня помучить), и потому назначила тебе свидание, и не сомневалась она, что не осмелишься ты на него не явиться, даже ежели придется тебе идти ко мне после.

Я же пригласила негодя к себе в опочивальню, как тебе о том поведала, но дала ему сонного зелья, дабы не мог он, когда возьмусь с ним, ни шевельнуться, ни глаз открыть; сама же опустилась на кровать подле него, дабы знала Леди, что мое тело там побывало, ибо она проведала бы, кабы его там не было. Засим, лежа на кровати, придала я ему твой облик, дабы всякий, кто взглянул, подумал бы, что это ты лежишь рядом со мною, а после стала, содрогаясь, ждать, что последует. Так минул час, когда должен был ты появиться в покоях госпожи, и близился час, когда, как думала она, ты должен был прийти в мои покои, а посему ждала я ее действий, и сердце во мне замирало от страха пред ее жестокостью.

Вскоре вслед за тем услышала я движение в ее опочивальне и, соскользнув с кровати, спряталась за гобеленом, готовая умереть от страха пред нею, а тут и она зашла, крадучись, держа в одной руке светильник, в другой – нож. И скажу я тебе по правде, что и у меня был вострый нож в руке, дабы защищать свою жизнь, коль понадобится. Подняла она светильник над головой, прежде чем приблизиться к кровати, и услышала я ее бормотание: “Она не здесь! Но ее поймают”. Затем она подошла, нагнулась над постелью и опустила длань на то место, где я лежала, после чего взор ее упал на твоего двойника, и задрожала она, затряслась, упал светильник на землю и потух (но в комнату проникал лунный свет, и мне по-прежнему было все видно). А она испустила вопль, словно дикого зверя утробное рычание, и увидела я, как взметнулась ее рука, сверкнула сталь, и затем опустилась рука со сталью, и чуть было не лишилась я чувств, представив на мгновение, что чарами моими двойник твой превратился в тебя самого. Без стога погиб негодяй; почему должна я его оплакивать? Нет, не стану. Но Леди притянула его к себе, сорвала одежды с груди его и плеч и разразилась рыданиями, по большей части бессвязными, но в которых иногда мелькали слова. Затем услышала я, как она промолвила: “Я забуду, забуду, и настанут новые дни”. Потом помолчала немного и вновь воскликнула страшным голосом: “О нет, нет, нет! Не могу забыть, не могу забыть” – и, издав пронзительный стонающий вопль, что наполнил ночь ужасом (не слышал ли ты?), схватила она нож с постели и, вонзив себе в грудь, упала замертво на кровать и на тело мужчины, которого убила. А затем подумала я о тебе, и радость пробилась сквозь мой страх, – как могла сопротивляться я ей? И тогда поспешила я к тебе, и взяла твои руки в свои, твои драгоценные руки, и вместе мы бежали. Останемся ли мы вместе?

Заговорил Уолтер медленно, не касаясь Девы, и выслушала она его не плача, но с тоской во взгляде. Молвил он:

— Думаю, что поведала ты мне все как есть, и твое ль коварство ее убило или собственное ее злое сердце, но убита она, та, которую за день до того сжимал я в своих объятиях. Дурно это было, и дурно поступил я, ибо любил не ее, а тебя и желал ей смерти, дабы мог я быть с тобою. Знаешь ты это и все равно любишь меня, хотя, быть может, и незаслужена твоя любовь. Что сказать мне тогда? Коли виновна ты в коварстве, то и я был коварен, и коли виновна ты в убийстве, то и я убил. Так скажем же друг другу и Господу со святыми: “Мы оба замыслили убить женщину, что мучила одного из нас и смерть готовила второму, и коли поступили мы несправедливо, то вместе нам нести наказание, ибо совершили мы это, как единая душа и единая плоть”.

И со словами сими обнял он ее и поцеловал, но сдержанно, дружески, как ежели хотел утешить. А после сказал ей:

— Быть может, завтра, при свете дня, поведаешь мне о той женщине, о том, чем была она на самом деле, пока же оставим ее. А тебя я прошу: ты сильно утомилась, поспи.

И вот собрал он большую кучу хвороста, и накрыл своим плащом, и подвел Девуцу к самодельному ложу, и она легла, улыбнулась, скрестила руки на груди и вскоре заснула. Что до него, то он нес дозор у костра, покуда не забрезжил рассвет, и только тогда лег сам и заснул.

Глава XXV. О блистательном летнем убранстве Девуцы

Когда наступил день, поднялся Уолтер и встретил Девуцу, возвращавшуюся с реки, посвежевшую и раздумывавшую от воды. Побледнела она немножко, когда сошлись они лицом к лицу, и отстранилась от него застенчиво. Но он взял ее руку и поцеловал, и были они веселы, и не было необходимости им говорить друг другу о своем счастье, хотя многое, казалось им, должны были бы они сказать, кабы могли найти слова.

И вот воротились они к костру, сели да приступили к завтраку, и, прежде чем они закончили, молвила Девуца:

— Господин мой, ты видишь, что почти мы у самых холмов, и сегодня на закате, вероятно, ступим на землю медведей, и верно это как то, что гибель нас поджидает, коль попадемся мы им, так и то, что едва ли возможно нам их избежать. Однако верю я, что спасет нас от беды моя премудрость.

— Какая гибель? — спросил Уолтер. — Что самое худшее может приключиться?

Отвечала Девица:

— Принесут они нас в жертву своему божеству.

— Но ежели избегнем мы смерти от их рук, что тогда? — спросил Уолтер.

— Одно из двух, — отвечала она. — Первое: примут они нас в свое племя.

— Разлучат ли они нас в таком случае? — спросил Уолтер.

— Нет, — отвечала она.

Засмеялся Уолтер и промолвил:

— Не вижу тогда я в том вреда. Но что второе?

Отвечала она:

— Отпустят они нас по-доброму, и мы воротимся к крещеным людям.

Молвил Уолтер:

— Не уверен я, что то наилучшая из двух возможностей, хотя ты, как кажется, так и думаешь. Но скажи мне, каково из себя их божество, которому должны они в жертву приносить путников?

— Божество их — женщина, — отвечала Девица, — и мать, породившая весь их народ и все племена (иль так они веруют) во дни, когда не появился еще первый вождь.

— Давно это было, — молвил Уолтер. — Как может она быть до сих пор жива?

Отвечала Девица:

— Вне всяких сомнений, женщина та из незапамятных времен уже множество лет как мертва, однако они каждый раз берут новую женщину, одну за другой, дабы кто-то всегда занимал место Прародительницы. И коль уж истину говорить, то та, что лежит нынче мертвой во Златом чертоге, была последней из них, и теперь у медведей, хотя они сего еще не знают, нет божества. Об этом мы им и поведаем.

— Да-да! — воскликнул Уолтер. — Хороший же прием окажут они нам, коли явимся к ним с руками, обгагреными кровью их богини!

Улыбнулась она ему и промолвила:

— Коли явлюсь я к ним с вестью, что это я ее убила, и они тому поверят, без всякого сомнения, сделают они меня своей леди и богиней вместо нее.

— Сие странно, — отвечал Уолтер, — но ежели они так поступят, как поможет нам это вернуться в христианские земли и к крещеным людям?

Расхохоталась она, ибо радостно ей сделалось от того, что точно знала она: будет его жизнь отныне частью ее.

— Друг мой милый, — отвечала она, — теперь вижу, что желаешь ты того же, что и я, однако в любом случае, ежели останемся с ними, будем мы жить, а не умрем, как ты сам о том сказал. Но, поистине, не станут они препятствовать нашему отбытию, коли сочтут меня своим божеством, ибо не стремятся они к тому и не желают того, дабы их божество обитало с ними. Не бойся, — засим снова она засмеялась и молвила: — Что! Смотришь ты на меня и думаешь, что лишь жалкое подобие я богини в сем скудном наряде, с нагими руками да босыми стопами! Но обожди! Знаю, как убрать себя, когда придет время. Увидишь ты! А теперь, господин мой, не пора ли нам пуститься в дорогу?

И вот они поднялись, и нашли брод, где вода достигала Девице лишь до колена, и пустились в путь по зеленым склонам, на которых мало росло деревьев, по направлению к холмистой местности.

Наконец достигли они подножия холмов, в лощинах между которыми росли орехи и ягоды, а сочные зеленые луга вокруг усеяны были цветами.

Когда насытились они и отдохнули, поднялась Девица и промолвила:

— Теперь надобно королеве убрать себя, дабы выглядеть, как подобает богине.

Засим приступила она к работе, а Уолтер стал смотреть: сперва сделала она себе венец из прекраснейшей дикой розы, затем — пояс из разных летних цветов и повесила на него гирлянды, что спускались ей ниже колен; пучки цветов закрепила она на подоле и смастерила из них браслеты для рук и щиколоток да сандалии для своих стоп. Потом надела она венец на голову Уолтеру, стала чуть поодаль от него и, сомкнув стопы и воздев руки, воскликнула:

— Гляди! Разве менее подобна я матери лета, как ежели была бы одета в шелка и золото? Такою узрит меня и народ медведей. Пойдем, увидишь ты, как хорошо все обернется.

Засмеялась она радостно, но едва ли мог он смеяться из жалости к любимой. Затем снова пустились они в дорогу и стали взбираться на холмы, и несколько часов прошло в приятной беседе, покуда, наконец, не взглянул Уолтер на Девицу, не улыбнулся ей и не промолвил:

— Одно скажу тебе, мой нежный друг, а именно: будь ты одета в шелка и золото, могли бы появиться пятна на твоём величественном облачении, а то и прорехи кой-где, однако по-прежнему казалось бы оно величественным, когда ты явишься к народу медведей. Что же до твоего цветочного убранства, то через несколько часов завянет оно и облетит.

Засмеялась она в ответ, а потом замерла и, оглянувшись через плечо, стала перебирать пальцами цветы у себя на боку, словно птичка, оправляющая перышки. Затем промолвила:

— Воистину ли все так, как ты говоришь? Взгляни вдурядь!

И он взглянул, и подивился, ибо — о чудо! — у него на глазах к побегам таволги вернулась свежесть, и вновь засияла овчанка на белой ткани поверх ее ног; дикие розы у нее на голове раскрылись, и все цветы заиграли красками, словно все еще росли на лугу.

Глава XXVI. Они приходят к народу медведей

Все дальше шли они и вскоре очутились среди холмов, где едва ли сыскать было деревце, кроме терновника, и, помимо его узловатых кустов, не росло ничего выше дрока. Так шли они, покуда, наконец, на самом закате, вскарабкавшись на высокую грядку, не приблизились к обрыву и там, глянув вниз, увидали иную картину.

Под ними была долина, зеленее, чем холмы, по которым прошли они, и зеленее всего на дне, где извивалась, питая ее, поросшая ивами речушка. В долине паслись коровы да овцы и длинный столб дыма поднимался прямо к безветренным небесам над круглыми домишками, выстроенными из торфа и крытых тростником крышами. А далее, ближе к восточному краю долины, лежало нечто похожее на круг из больших валунов, хотя местность была не каменистой. У очага посреди домов, то там, то здесь по всему селению стояли или расхаживали по своим делам исполинского сложения мужчины и женщины, и между ними играли дети.

Постояли они, посмотрели на все это, и, хотя мирной была картина, все же Уолтеру показалась она диковинной и ужащающей. Заговорил он тихо, словно бы боясь, что голос его долетит до людей, хотя поистине услышать его могли бы, только ежели бы он кричал:

— Так это и есть дети медведя? Что нам теперь делать?

Отвечала Девица:

— Да, то народ медвежий, хотя много и других их поселений далеко-далеко на север и восток до самого моря. А что до того, что делать нам, то спустимся же немедля и с миром. И поистине не убежать нам от них, ибо гляди! — они нас заприметили.

И верно, трое-четверо великанов повернулись к обрыву, где стояли Уолтер с Девицей и стали подзывать их громкими грубыми голосами, в которых, однако, не слышалось ни гнева, ни угрозы. Тогда взяла Девица Уолтера за руку, и сошли они вниз спокойно, а медведи, завидев их, сгрудились в ожидании, когда они приблизятся. И увидел Уолтер, что, хотя все они были очень высоки и могучего сложения, но не настолько крупнее обычных людей, чтобы это казалось чудом. Мужчины были длинноволосы и с кустистыми бородами, и волосы их — сплошь рыжими или каштановыми; их кожа в тех местах, где виднелась нагая плоть, потемнела от солнца и ветра, но до приятной смуглости, а не до черноты мавров. Женщины были пригожи и ясноглазы, и не было в облике ни мужей, ни жен ничего злобного или свирепого, но что-то торжественное и строгое. Все они были одеты, кроме малых ребятшек мужского полу, но скудно, в одни лишь овечьи да оленьи шкуры.

Из оружия заметили путники у них дубинки, да копья с костяными или кремневыми наконечниками, да грубые кремневые топоры на деревянных рукоятках, однако нигде не видели они ни теперь, ни после ни единого лука. Но у некоторых из юношей на плечах как будто висели пращи.

И вот когда между ними и медведями оставалось не более шести ярдов, возвысила Девица глас свой и заговорила ясно и сердечно:

— Народ медвежий, приветствую тебя! Пришли мы к вам с добрыми намерениями, а не с худыми, и посему хотим знать, какой прием вы нам окажете.

В первых рядах посредине стоял старец, облаченный в искусно сшитую мантию из оленьих шкур, с золотым браслетом на руке да с венцом из голубых камней на голове, и он промолвил:

— Малы вы, но так хороши собою, что будь вы повыше, сочли бы мы, что вы пришли из чертога богов. Слышал я, однако, что как бы ни были могучи боги и особенно наше божество, а и они порою не столь крупны сложением, как мы, медведи. Как такое может быть, мне неизвестно. Но коли вы не из богов или их племени, тогда вы просто чужеземцы, а наш обычай с чужеземцами таков: встречаем мы их в битве, либо в жертву приносим нашему божеству, либо принимаем в дети медведя. Однако, может статься, вы посланцы какого народа, что желает дружбу и союз нам предложить, и тогда уйдете вы отсюда с миром и, покуда вы у нас, будете дорогими гостями. Посему хотим, дабы изъявили вы, зачем пожаловали.

Молвила тогда Девица:

— Отец, легко нам было бы поведать, кто мы. Однако, мнится мне, что те, кто собрался вкруг сего костра нынче вечером, не весь народ медведей.

— Так и есть, Дева, — отвечал старейшина. — Много больше детей у медведя.

— Тогда вот о чем вас просим, — молвила Девица. — Разошлите знаки и соберите людей ваших, и, когда явятся они в каменный круг, изложим мы пред всеми наше дело, и тогда решите, как с нами поступить.

— Хорошо ты молвила, — отвечал старейшина. — О том мы вас просили бы и сами. Завтра до полудня станете вы в каменном кругу сей долины и будете говорить с детьми медведя.

И с тем повернулся он к своему народу и произнес слова, значения коих Уолтер с Девицей не знали.

Засим вновь повернулся старейшина к путникам и молвил:

— Мужчина и женщина, кем бы вы ни были и что бы ни ожидало вас завтра, сегодня вы наши гости, и потому милости просим поесть и выпить у нашего огня.

И вот сели они все вместе на траву подле углей костра, отведали творога да сыра и напились молока вдоволь, и, когда настала ночь, подбросили дров в огонь, дабы было им светло.

И вот когда час настал поздний, поднялся старейшина, и, велев путникам следовать за ним, подвел их к жилищу несколько поболее остальных, стоявшему посредине, и сказал, что должны они отдохнуть здесь сей ночью, и пожелал почивать в мире и без страха до самого утра. И вот вошли они, и увидели ложе из вереска, и, поцеловав друг друга, возлегли благочестиво, аки брат и сестра. Но заметили они, что четверо дюжих мужей легли на пороге снаружи, и потому сочли, что держат их за пленников.

Глава XXVII. Утро среди медведей

И вот опустился Уолтер на ложе, и заснул, и более ничего не помнил, покуда не пробудился и не увидел, что уже светит солнце и над ним стоит Девица. Она была свежа от воды, ибо перед тем ходила к реке искупаться, и сквозь открытую дверь солнечные лучи падали на ее ноги у подушки Уолтера. Повернулся он, обнял их и погладил, а она стояла, улыбаясь ему; потом он поднялся, посмотрел на нее и промолвил:

— Как прекрасна ты нынче утром! И все же... все же... не лучше ль будет тебе снять свое поблекшее да увядшее великолепие из цветов и листьев, что делает тебя похожей на спутницу жонглера наутро после майского праздника?

И поглядел он на нее с печалью.

Она же засмеялась весело в ответ и промолвила:

— Да, и остальные, должно быть, не выше ценят мое убранство иль ненамного выше, ибо вон собирают они дрова для жертвоприношения, а это поистине будем мы с тобою, коль не улучшу я его с помощью премудрости, что узнала от старухи и довела до совершенства между плетьюми моей госпожи, кою и ты любил в некотором роде лишь малое время назад.

Пока говорили они так, вошел старейшина и с ним девушка, что принесла творог да клубнику на завтрак, и предложил он им сию трапезу. Поели они отнюдь не в печали, и, пока ели, повел старец с ними беседу сдержанную, но не суровую и без видимой вражды; речь его то и дело касалась засухи, что губила пастбища на склонах холмов, и того, что трава в долинах, где была вода, но которые представляли собой лишь неширокую полосу земли, не продержится долго, коли божество не пошлет им дождь. И заметил Уолтер, что за беседой эти двое, старейшина и Девушка, с любопытством поглядывают друг на друга; внимательно следил старейшина за словами Девушки и за тем, прислушивалась ли она к его словам; Девушка же отвечала на речь его любезно и милостиво, но не говорила ничего важного и не давала ему поймать свой взгляд, что легко переходил с предмета на предмет, и уста ее ни разу не сделались строги иль неподвижны, но улыбались вслед за лучистыми глазами ее, и сидела она там с лицом, в котором, казалось, воплотилась вся радость летнего дня.

Глава XXVIII. О новом божестве медведей

Наконец вымолвил старец:

— Дети мои, пойдете вы теперь со мной к каменному кругу нашего племени, медведей из Южных Долин, и там поведаете нам свое дело, однако заклинаю вас пожалеть тела ваши, как я их жалею, особливо твое, Девушка, столь прекрасное ты создание, ибо, коль лживыми словами обмануть нас попытаетесь, подлецам подобно, не уйти вам в мир иной торжественно и с почестями в языках пламени как дар нашему божеству и надежда для нашего народа, но избыют вас палками, пока не лишитесь вы чувств, а после привяжут мешок камней и сбросят в реку у исхода долины, дабы поплатились вы за свою глупость.

Тогда посмотрела ему Девушка прямо в глаза, и почудилось Уолтеру, будто съезжился старец пред нею, и затем она промолвила:

— Стар ты и мудр, о великий сын медведя, а все же нечему мне у тебя учиться. Теперь веди же нас к месту, откуда говорить будем.

И вот отвел их старейшина к каменному кругу на восточном краю долины, что уже был полон людьми, вооруженными по своему обычаю и столь огромными, что когда стояли они, лишь немного ниже находились их головы верхушек серых валунов. Посредине круга стояло кресло, вырезанное из большого камня, в котором восседал глубокий старец, с длинными седыми волосами и белой бородою, а по обеим сторонам от него стояли две крупные женщины в воинском облачении, каждая из которых держала длинное копьё и у каждой на поясе висел кремневый нож, и были они единственными женщинами на всем тинге.

Засим ввел старейшина путников в круг и повелел им взойти на широкий плоский камень, возвышающийся над землей на шесть футов, напротив древнего вождя; поднялись они туда по грубым ступенькам и стали пред народом, Уолтер — в своих одеждах из внешнего мира, что были хороши когда-то, из белого льна, и багряного полотна, и шелка, но износились да запятыались за время странствий, и Девица — в одном лишь простом белом платье, в котором бежала она из Златого чертога в Лесу за пределами мира, украшенном завядшими цветами, коими оплела она себя вчера. И, тем не менее, не сводили глаз с нее сии великаны, и на лицах их читалось как будто почтение.

Согласно просьбе Девицы опустил Уолтер подле нее на колени и, обнажив меч свой, выставил его пред собою, дабы не дать никому приблизиться к ней. И тишина воцарилась на тинге, и все глаза прикованы были к чужеземцам.

Наконец старый вождь поднялся и молвил:

— Люди медведя! Явились сюда мужчина и женщина, незнамо откуда, и сказали тем из нас, кто их встретил, что поведают свое дело лишь на всенародном тинге, на что имеют они право, коли желают попытать судьбу. Потому как либо праздные они чужаки, что явились сюда без дела, или, может статься, в попытке одурачить нас, и тогда не минует их злая участь, либо пришли они к нам, дабы могли мы отправить их своему боже-ству с помощью кремня и пламени, либо послание принесли от того или иного народа, послание, от коего зависят жизнь и смерть. Теперь выслушаем же, что могут они поведать о себе и о том, зачем пришли сюда. Но, мнится мне, главная у них женщина и ей принадлежит слово, ибо гляньте! — стоит на коленях у ног ее мужчина, как тот, кто служит и поклоняется ей. Говори же, женщина, и пусть наши воины услышат тебя.

Тогда возвысила Девица глас свой и заговорила ясно и звонко, подобно флейте лучшего из министрелей:

— Люди народа медведей, задам я вам вопрос, и пусть вождь, что сидит предо мною, на него ответит.

Кивнул старец главою, и она продолжала:

— Скажите мне, дети медведя, сколько времени прошло с тех пор, как божество, коему поклоняетесь, в последний раз являлось вам в теле женщины?

Отвечал старец:

— Много зим минуло, с тех пор как отец моего отца был дитятей и видел самое божество в телесной оболочке женщины.

Тогда вновь спросила она:

— Возрадовались ли вы ее пришествию и возрадуетесь ли теперь, коли явится она среди вас?

— Да, — отвечал старый вождь, — ибо она одарила нас, и принесла нам знания, и явилась нам не в ужасном облике, но как молодая женщина, столь же пригожая, как и ты.

Тогда промолвила Девица:

— Стало быть, настал для вас день радости, ибо старое тело мертво, а я новое тело вашего божества, явившееся к вам ради вашего благоденствия.

Глубокая тишина воцарилась на тинге, затем заговорил старец и молвил:

— Что ответить мне и остаться в живых? Ибо коли воистину ты бог и стану я грозить тебе, разве не изничтожишь меня? Но великое слово прозвучало в устах твоих нежных, и бремя крови приняла ты на свои руки лилейные, и, коли одурачены медведи пустыми речами лжецов, как смыть с себя стыд? Посему скажу я: яви нам знамение, и, ежели действительно ты божество, тебе легко это будет, а ежели не явишь, стало быть, лживы твои слова и не миновать тебе своей судьбы. Ибо предадим тебя в руки сих женщин, которые сбросят тебя в реку, что течет поблизости, после того как сперва отхлестают до полусмерти. Но мужчину, что стоит у ног твоих на коленях, отдадим настоящему божеству, и он отправится к ней дорогой кремня и пламени. Услышала ли ты меня? Тогда знамение яви нам.

Не изменилась лицом она после этих слов, лишь глаза ее стали ярче, ланиты — свежее, и стопы ее шевельнулись, будто бы вот-вот пустятся в пляс, и оглядела она тинг, и молвила голосом ясным:

— Не нужно тебе страшиться слов своих, старче. Ведь воистину не мне грозишь ты побоями и поганой смертью, а неразумной обманщице, которой здесь нет. Теперь слушай! Ведаю я, что нужно вам от меня кое-что, а именно: дабы послала

вам дождь, который покончит с сей засухой, что слишком долго гнетет вас, но за дождем сим надобно мне отправиться на юг, в горы, дабы добыть его вам, а посему пусть несколько ваших воинов сопровождают меня и моего слугу до большого горного перевала, и отправимся мы туда сегодня же.

После этого некоторое время она молчала, и глаза всех были устремлены на нее, но никто не шевелился и не заговаривал, отчего казались они каменными изваяниями среди камней.

Засим заговорила она вновь и молвила:

— Некоторые сочли бы, люди медведя, что достаточно великое сие знамение, однако ведаю я души ваши, как упрямы они и недоверчивы, и то, что дар, который вы не осязаете, для вас не дар, и чуду, коего не зрите, сердца ваши не верят. А посему взгляните на меня, когда стою я пред вами, я, пришедшая из зеленых лесов, что в краю прекраснее этого, и скажите, разве не пребудет лето со мною, и сердце, что несет благоденствие, и рука, что дарует.

И о чудо! Пока говорила она, увядшие цветы на ней вернулись к жизни и вновь стали свежими: побеги жимолости переплелись вокруг ее шеи и тонких плеч и овеяли лик ее сладостным ароматом. Лилии, что опоясывали ей чресла, подняли головки и обсыпали ее золотою пылью; голубым огоньком зажглась на ее подоле овчанка; вновь распустились на ее голове розы и затем уронили лист свой к ее стопам, и стройные ноги ее украсила душистая таволга, и ясколка засверкала на ее простом платье, точно драгоценные камни. И стояла она среди цветов, словно прекрасная восточная жемчужина в золотой оправе, и ветерок, что повеял с долины, разнес благоухание по всему тингу.

Тогда воистину встали медведи, и разразились криками да восклицаниями, и забили по щитам своим, и стали подбрасывать копыя. Затем поднялся старец со своего кресла и, смиренно приблизившись к месту, где она стояла, стал молить, дабы изъявила она свою волю, тогда как остальные тоже приблизились, сгрудившись в кучки, но не осмелились подойти слишком близко. Отвечала она древнему вождю, что вскорости отбудет в горы, откуда сможет послать им дождь, коего им так не хватает, а после проведет какое-то время в южной стороне, но они услышат о ней и, может статься, увидят ее еще прежде, чем тех, кто сейчас, на середине жизненного пути, отправится к праотцам.

И тогда преисполнились они еще большего благоговения и воспели хвалу ей, а затем первым делом принесли кушаний, лучших, что у них были, и для нее, и для Уолтера. Но не осмели-

вались они смотреть на Деву, пока та ест, и не позволили Уолтеру лицезреть ее. После, когда насытились они, человек двадцать, вооруженных по обычаям своего народа, приготовились сопровождать Деву в горы, и вскоре все вместе они отправились в путь. Однако держались сии исполинские люди на почтительном расстоянии от Девы, и, когда устроили они на ночь привал в холмах у подножия гор, где не было жилья, дивно было смотреть, с какою заботой воздвигли они для нее шалаш, и покрыли своими плащами из шкур, и всю ночь несли вокруг нее дозор. Но Уолтеру позволили они мирно почивать на траве, немного в стороне от дозорных, окружавших Деву.

Глава XXIX. Уолтер сбивается с пути на горном перевале и разлучен с Девой

Настало утро, и тогда поднялись они, и вновь пустились в дорогу, и шли весь день, покуда солнце почти не скрылось за краем земли, и они не достигли искомого перевала, в самом начале которого возвышался земляной курган. Там Дева велела остановиться, и, взойдя на курган, стала она пред ними и молвила:

— О люди медведя, благодарю вас за то, что исполнили мою волю, благословляю вас и обещаю, что будет земля ваша отныне обильна. Но теперь должно вам возвратиться, не мешкая, отправиться в обратный путь напрямик к домам вашим на равнине, ибо дождь, который выпросила я для вас, уже сейчас надвигается из кузницы бурь и гроз, что в сердце гор.

И со словами сими спустилась она с кургана и скрылась за скалой, и был шаг ее столь легок, что почудилось Уолтеру, который стоял среди медведей, будто она исчезла. Но медведи еще какое-то время стояли и молились своему божеству, и он не осмеливался их покинуть. Когда же благословили они его и повернули в обратный путь, последовал он за Девой со всей поспешностью, думая, что найдет ее ожидающей его за какою-нибудь скалой.

Однако сумерки уже ступились, и, несмотря на спешку, ночь застала его в лабиринте горных проходов. Более того, только стемнело, задул могучий южный ветер и принес на крыльях своих непогоду, и разразилась летняя гроза с ливнем и градом, громом и ужасными молниями, отчего все в горах загрохотало и сотряслось. И оттого вынужден он был наконец укрыться под нависшей скалой и ждать там рассвета.

Но на том невзгоды его не закончились. Ибо под скалой оной заснул он, а когда пробудился, наступил день, однако ни-

чего нельзя было разглядеть из-за хлещущего дождя и повисшего с неба тумана, и, хотя отправился он в путь, борясь с непогодой, немного ему удалось пройти.

Два дня сражался он с бурей, туманом и черным отчаянием и за это время совсем ослаб и пал духом. Но на третье утро гроза стихла, хотя дождь все еще лил, и он смог передвигаться не только на ощупь и увидал, что тропа теперь ведет вниз. Когда стало смеркаться, спустился он в травянистую долину, по которой к югу текла речушка, и дождь к тому времени уже едва накрапывал и лишь иногда перерастал в краткий ливень. И вот добрался он до речушки, и лег там среди кустов, и сказал себе, что назавтра добудет пищи, дабы выжить и отыскать Деву в огромном мире.

Глава XXX. И вновь они встречаются

Когда Уолтер пробудился, уже наступил день, спокойный, ясный и безоблачный, и запах посвежевшей земли восходил к небесам, и в кустах над его головой сладко пели птицы, ибо долина, куда он пришел, была прелестным уголком среди спускающихся к ней горных склонов, раем дикой природы, и теперь, когда настало ясное солнечное утро, не отыскать в ней было ничего, кроме самых приятных вещей.

Встал Уолтер, огляделся и увидал в ста ярдах от себя рощицу из небольших деревьев, как то: терна, рябины да бузины, с которыми тесно переплелась черная калина, — скрывала она роща излучину реки в том месте, где та огибала ее, и трава между нею и Уолтером была коротка, сочна, душиста и вся усеяна цветами, и сказал он себе, что место сие подобно раю, куда нарисованные ангелы ведут блаженных на хорах большой церкви в Лэнгтоне-на-острове. Но вдруг громко вскрикнул он от радости, ибо показалось ему, будто вышел из рощи на цветущий луг ангел с одного изображения, весь в белом, босоногий и пленительный, с сияющими глазами да румяными ланитами, и была то сама Девуца. Бросился к ней Уолтер, и она протянула к нему ласковые руки и улыбнулась, плача от радости. Стал он ее обнимать да целовать: уста ее и щеки, руки и рамена и везде, где она дозволила. Наконец отстранилась она от него, смеясь от любви, и молвила:

— Остановись, друг мой, ибо на сей раз достаточно, и поведай, как обстоят дела.

— Худо, худо, — отвечал он.

— Что гнетет тебя? — спросила она.

— Голод, — отвечал он, — и тоска по тебе.

— Что ж, — отвечала она, — я с тобою, так что второе утлено; возьми меня за руку, и позаботимся о первом.

И вот взял он ее за руку, и неописуемо сладко было ему держать ее длань. Но, подняв взор, увидел он синий дымок, поднимающийся за рощей, и, засмеявшись, ибо совсем он ослаб от голода, промолвил:

— Кто это там стряпает?

— Увидишь ты, — отвечала она и повела его через рощу оную, а когда вышли они оттуда — глядь! — между излучиной реки и зарослями был прелестный лужок, цветов полон, и на песчаном бережке горел костер из хвороста, а рядом лежали две жирные форели, с красными полосами на чешуе.

— Вот и завтрак, — промолвила она. — Когда настала пора мне смыть с себя сон, спустилась я сюда на мелководье и увидела в той стороне омут, куда могла угодить рыба, и, потому как ожидала встретить тебя, принялась шарить там осторожно, и вот погляди-ка! Помоги же мне, и мы ее состряпаем.

Тогда запекли они форели на раскаленных углях, и вместе приступили к трапезе, и, насытившись, испили речной воды из ладоней друг друга, и столь радостной была трапеза, что показалась им настоящим пиршеством.

Когда покончили они, молвил Уолтер Девиге:

— Любимая, чрез многие испытания прошли мы, так получим же за них награду немедля и станем мужем и женою здесь, в сем сладостном горном приюте, прежде чем отправимся дальше, ежели поистине отправимся дальше вообще. Ибо где найдем мы место прекраснее и счастливее этого?

Но она вскочила, и стала перед ним, дрожа из-за любви к нему, и промолвила:

— Любимый, надлежит нам искать дорогу в мир, где живут люди, и жить средь них. И что до меня, то, сказать по правде, истово я того алкаю. Ибо страшно мне в диких местах и мерещится, будто все еще нуждаюсь в помощи и защите от госпожи, хоть она и мертва, и необходимо мне людское присутствие и толпы больших городов. Не могу ее позабыть: лишь сегодня мне снилось (думаю, в холодный предрассветный час), что до сих пор я в ее власти и она срывает с меня одежды, перед тем как пытаться, и я проснулась, задыхаясь и плача. Молю, не сердчай на меня за то, что рассказываю о своих желаниях, ибо коли не по нраву они тебе, тогда буду я жить здесь с тобой как твоя супруга и приложу усилия, дабы стать храбрее.

Поднялся он, и поцеловал лик ее, и молвил:

— Нет, правду сказать, не было в мыслях у меня остаться здесь навечно; я лишь имел в виду, что должны мы отдохнуть

да отпраздновать, прежде чем отправимся в путь, ибо, по правде, как ты страшишься диких мест, так и я страшусь городов.

Побледнела она и отвечала:

— Исполню я твою волю, мой друг, коли должно. Но подумай: ведь не настал еще конец нашему пути и, может статься, много испытаний придется перевозмочь нам, прежде чем достигнем мира и процветания. Теперь скажу я тебе, — разве не говорила прежде? — что покуда я дева нетронутая, премудрость моя и некоторое могущество пребывают со мною, но только до тех пор. А посему молю тебя: уйдем же рука об руку из сей прекрасной долины такими, какие мы есть, дабы премудрость моя и могущество пригодились тебе, коли придет нужда. Ибо, друг мой, не желаю я, дабы срок, отпущенный нам, был краток, ведь столько радости нас ожидает.

— Да, любимая, — отвечал он, — отправимся же в путь немедля да сократим время, что разделяет нас.

— Любовь моя, — молвила она, — придет время, когда простишь меня за все и сразу. Однако стоит сказать, что ведомо мне грядущее, что лежит немногим впереди нас, отчасти моею премудростью, отчасти из того, что узнала я о сей земле от дикарей, покуда почивал ты утром.

И вот оставили они прелестный бережок, и углубились в долину, и продолжили свой путь через горы, и вскорости дорога их вновь стала каменистой, и стали они взбираться по склону, который вел из низины. И когда взобрались они на самый верх, открылся пред ними в лучах солнца прекрасный и благодатный край, и посреди него, у голубых холмов, виднелись стены и башни великого града.

Тогда воскликнула Девица:

— О друг мой милый, гляди! Разве не наше пристанище лежит там, и разве оно не прекрасно? Разве не ждут нас там друзья и защита от темных тварей да порождений зла с обольстительным обликом? О град, приветствую тебя!

Но посмотрел Уолтер на нее, улыбнулся слабо и промолвил:

— Радуюсь я твоей радости. Но ежели я что и знаю о городах, то и в граде оном есть порождения зла, пусть не феи и не бесы. И в любом городе наживем мы врагов безо всякой причины, и жизнь наша станет запутанна.

— Да, — отвечала она. — Но в глуши среди бесов, что могут поделать мужская сила и доблесть? Там пришлось тебеложиться на коварное чародейство, которому научилась я у самих врагов моих. Но когда придем мы в город, тогда уж будет твоя доблесть расчищать нам дорогу. Или, по меньшей мере, оставит она по себе сказание, и я буду чтить тебя.

Засмеялся он, и лик его посветлел:

— Чья власть, того и закон, — молвил он. — И один человек мало что может поделаться против многих. Но клянусь, что не предамся я лености пред тобою.

Глава XXXI. Они приходят к иному народу

И вот вновь они спустились и очутились в месте, где проход сузился настолько, что шли они меж двух каменных стен, но через час ходьбы стены оные вдруг пропали, и оказались они, почти незаметно для себя, в другой долине, похожей на ту, что покинули, но не столь прекрасной, хоть и покрытой сочной зеленой травой, да пониже. И здесь поистине узрели они перемену, ибо — глядь! — повсюду в долине оной возвышались шатры и ходило меж них множество людей, большинство во всеоружии, с оседланными лошадьми под рукой. Остановили шаги свои путники, и дрогнул духом Уолтер, ибо сказал себе: “Кто ведает, что сие за люди, кроме того, что они чужеземцы? Вероятно, обратят они нас в рабство, и тогда в лучшем случае будем мы разделены, а это все одно, что в худшем”.

Но когда завидела Девица лошадей, и пестрые шатры, и колышущиеся знамена, и блеск копий, и сияние белых лат, хлопнула она в ладоши от радости и воскликнула:

— А вот и люди города вышли нас встретить, и как хороши да пригожи они, и сколь многое постигнет их мысль, и сколь многое они совершат, в чем примем мы отныне участие. Пойдем же навстречу им, друг любезный!

Но отвечал Уолтер:

— Увы! Не ведаешь ты: быть может, придется нам спастись бегством. Но теперь уже поздно, так примем же благочестивый вид и выйдем к ним спокойно, как сделали мы в краю медведей.

Так они и поступили; тогда отделились от толпы шесть воинов, и приблизились к путникам, и почтительно поклонились Уолтеру, но не промолвили ни слова. Засим показали они знаками, дабы подошли Уолтер с Девицей вместе с ними к остальным, и те, дивясь, последовали за ними и оказались в кольце воинов перед старым седовласым рыцарем, в полном военном облачении, но с непокрытой головою, и латы его были превосходнейшими; тот тоже поклонился Уолтеру, но ни слова не вымолвил. Засим отвели они путников в главный шатер, и знаками показали им сесть, и принесли им отмен-

ных яств да доброго вина. И пока Уолтер с Девницей ели, поднялось вокруг волнение, и, когда покончили они с трапезой, приблизился к ним, все так же обходительно кланяясь, древний рыцарь и показал знаками, что надобно им отправляться в путь, и увидали они, выйдя наружу, что все другие шатры уже убраны и люди принимаются за их шатер, остальные же, оседлав коней, выстроились перед отбытием, и были там лошади, несшие два паланкина, куда велели сесть путникам: Уолтеру — в один, Девнице — во второй, — и пришлось им покориться. Затем вскорости зазвучал рог, и все вместе они отправились в дорогу, и увидал Уолтер меж занавесей паланкина, что едут по обе стороны от него два вооруженных всадника, хотя и оставили ему его меч.

И вот отправились они дальше горными тропами и незадолго до заката достигли равнины, но не стали они устраивать привал на ночь, лишь перехватили кусок да выпили глоток и продолжили путь свой в ночи, как люди, хорошо знающие дорогу. И пока ехали они, все гадал Уолтер, что ждет их с Девницей впереди и не приуготовляют ли их, быть может, в жертву еще какому божеству, ибо люди сии были, без сомнения, чужеземцами и, вероятно, еще и сарацинами. Однако старался он, как мог, не падать духом. И вот, наконец, когда ночь уже приближалась к рассвету, остановились они у великих врат в исполинской стене. Тогда трижды протрубили воины в рог, врата отворились, и, минуя их, очутились они все на улице, что показалась Уолтеру величавее и прекраснее, чем в иных людских селениях. Потом, вскорости, добрались они до широкой площади, всю сторону которой занимало то, что принял Уолтер за фасад великолепнейшего дома. Распахнулись врата во двор еще до того, как протрубил рог, хотя воистину громко протрубил он трижды, и все ступили внутрь, после чего приблизились воины к Уолтеру и знаками показали ему, дабы он вышел из паланкина. Так он и сделал, и хотел было задержаться, дабы увидеть, что станет с Девницей, но ему не позволили и отвели его по громадной лестнице в покои, зело просторные, но слабо освещенные из-за своих размеров. Подвели они его к ложу, тончайшим бельем устланному, и знаками велели разоблачиться и лечь. Вынужден он был покориться их воле, и засим унесли они его платье и оставили лежать в одиночестве. И вот лежал он там смиренно, рассудив, что не стоит ему, одетому в чем мать родила, искать выход, но долго еще не мог заснуть, ибо разум его пребывал в смятении. Наконец усталость взяла верх над страхами и надеждами, и он погрузился в сон, как раз когда рассвет переходил в утро.

Глава XXXII. О новом короле Града-за-могучей стеной

Когда вновь пробудился Уолтер, в покоях ярко светило солнце, и, оглядевшись, узрел он, что несравнимы они красотой и богатством со всем, что видал он прежде: золотом и морской лазурью был выкрашен потолок, а на стенах висели прекраснейшие гобелены, хотя вытканые на них сюжеты Уолтер не мог распознать. Все лавки и кресла украшены были искусной резьбой и покрыты краской, и среди всех выделялось большое кресло из слоновой кости под зелено-золотым балдахином, жемчугами усыпанным; пол же был выложен драгоценнейшей мозаикой.

Смотрел он на все это, дивясь тому, что приключилось с ним, как вдруг заходят люди в покои, а именно: двое хорошо одетых слуг и трое старцев в богатом шелковом платье. Подошли они к нему и велели (по-прежнему знаками, не произнося ни слова) встать и следовать за ними, а когда указал он им на то, что наг, и засмеялся с сомнением, не засмеялись они в ответ и не дали ему одежды, а снова велели встать, что и вынужден он был сделать. Вышли они с ним из покоев и повели его прекрасными колоннадами в великолепнейшую купальню, где слуги омыли его бережно и тщательно под надзором старцев. Но и когда с омовением было покончено, не предложили они ему одежды, а повели обратно теми же колоннадами в покои. Только на сей раз пришлось ему пройти меж выстроившихся в два ряда мужей, некоторые из которых были при оружии, некоторые — в мирном облачении, но все одеты торжественно и подобны вождам, либо доблестью славным, либо мудростью.

В покоях тоже собрались люди и, судя по убранству их, высокого звания, но эти стояли ровным кольцом вокруг упомянутого кресла из слоновой кости. И подумал Уолтер про себя: “По всему видать, уготованы мне нож и алтарь”, — однако, не смотря ни на что, сохранил на лице мужество.

И вот подвели его к креслу из слоновой кости, и узрел он по обеим сторонам от него скамеечки, на каждой из которых лежало полное облачение, начиная с рубашки, но сильно разнились меж собой эти два наряда. Ибо первый был нарядом для мира, блистательный и весь усыпанный драгоценными камнями, кой не пристало носить никому, кроме великого короля; второй же — военное одеяние, искусно сделанное и достойное, однако мало украшенное, а скорее, наоборот, истрепанное и запятнанное непогодой да в пылу сечи.

И вот указали старцы Уолтеру знаками, дабы выбрал он и надел тот наряд, кой ему больше по нраву. Поглядел он на

право да налево, и, когда упал взор его на военное одеяние, сердце в нем всколыхнулось, вспомнилось ему облачение Голдингов, когда шли они в битву, и шагнул он к тому наряду и положил на него руку. Тогда послышалось среди собравшихся радостное бормотание, и старцы приблизились к нему с улыбками да веселием на лицах и помогли облачиться, и когда поднял он шлем, то увидал поверх темного железа золотую корону.

И вот когда был он полностью одет и вооружен, подпоясан мечом да с боевым топором в руке, указали ему старцы на трон из слоновой кости, и положил он топор на подлокотник, вытащил меч из ножен и воссел на троне со старинным клинком на коленях, после чего оглядел тех почтенных мужей и спросил:

— Доколе же молчать мы будем, али Господь поразил вас немотою?

Тогда все воскликнули в один голос:

— Да здравствует король, король битв!

Вопрошал Уолтер:

— Коли я король, исполните ли вы, что велю вам?

Ответствовал старец:

— Ничего не желаем мы более, чем исполнять твою волю, господине.

Спросил Уолтер:

— Вот ты, ответишь ли ты правдиво на вопрос мой?

— Да, господине, — отвечал старец, — коли дозволено мне будет жить после.

Тогда спросил Уолтер:

— Что приключилось с женщиной, что пришла со мной в ваш горный лагерь?

Отвечал старец:

— Ничего не приключилось с ней ни худого, ни доброго, окромя того только, что поела она, поспала да омылась. Как желает король, дабы поступили с нею?

— Приведите ее сюда ко мне сей же час, — отвечал Уолтер.

— Хорошо, — молвил старец, — но в каком облачении нам привести ее сюда? Одеть ли ее служанкой али же великой леди?

Тогда поразмыслил немного Уолтер и затем промолвил:

— Спросите ее, какова ее на то воля, и как она пожелает, так пусть и будет исполнено. Но установите еще одно кресло подле моего и подведите ее к нему. Ты, мудрый старец, пошли за ней кого-нибудь, но сам останься, ибо есть у меня к тебе еще вопрос иль два. А вы, лорды, дождитесь прибытия моей спутницы, коли не утомительно то для вас.

Тогда молвил старец слово трем самым почтенным лордам, и они ушли, дабы привести Девуцу.

Глава XXXIII. Об обычае избрания королей в Граде-за-могучей стеной

Тем временем заговорил король со старцем и молвил:

— Теперь поведай мне, королем чего я стал и каков здешний обычай избрания королей, ибо я всего лишь чужестранец среди мужей могучих.

— Господине, — отвечал старец, — ты стал королем великого града, коему подвластны многие другие города, и земли, и приморские гавани и койи не ведает недостатка в богатствах, что алкают люди. Множество мудрых живет здесь, а глупцов не боле, чем в иных землях. Доблестная рать последует за тобой в битву, коли надобно тебе будет идти на поле брани, — рать, пред которой никто не устоит, окромя только древнего племени богов, ежели кто из них и ходит ныне по земле, что маловероятно. Что же до имени нашего славного города, то величается он Градом за могучей стеной, или попросту Градом-за-стеной. А что до обычая избрания королей наших, то он таков: коли умирает король и после него остается наследник мужеского полу, плоть от плоти его, то тот становится новым королем, но коли старый король умирает, не оставив наследника, то шлем мы великого лорда вместе с рыцарями и простыми ратниками к тому горному перевалу, откуда пришел ты вчера, и первого человека, что явится оттуда, везут они обратно в город, как поступили с тобой, господине. Ибо веруем мы, что в незапамятные времена той самой дорогой спустились с гор наши предки, бедные и неотесанные, но доблести полные, которые потом завоевали сии земли и построили Град-за-стеной. Далее, после того как мы встретили означенного путника и привели в город, собираются все наши великие люди: и мудрецы, и воины — дабы лицезреть его обнаженным, и коли сочтут его тело безобразным да дурно сложенным, то предадут смерти чрез закатывание в ковер, либо же, коли будет он человеком простым и коварства не ведающим, отдадут в рабство какому-нибудь ремесленнику промеж нас, дабы служил он плотником али башмачником, и после забудут о нем. Но в любом случае мы делаем вид, что такой человек не являлся к нам, и вновь шлем лорда с его рыцарями караулить у перевала, ибо верим, что не таков должен быть тот, кого послали нам праотцы. Однако, даже когда зрим мы, что пришлец хорош собою, на этом все не заканчивается, ибо мы верим, что ни за что бы не прислали праотцы нам в короли дурачину или труса. А посему просим мы обнаженного выбрать из двух одеяний: либо старинный доспех,

что сейчас на тебе, господине, либо сие золотое платье — и коли возьмет он военное облачение, как ты, о король, то все хорошо, однако ежели возьмет одеяние мирного времени, то предоставляем мы ему на выбор либо стать рабом какого-нибудь славного жителя города, либо доказать свою премудрость и пройти по тонкой грани между короной и смертью, ибо, коли не докажет он того, ждет его смерть. Так ответил я на твой вопрос, о король, и хвала праотцам, что послали нам того, чьи мудрость и доблесть не подлежат сомнению.

Глава XXXIV. И вот Девуца является к королю

Засим все поклонились королю, и он спросил снова:

— Что это за шум доносится снаружи, подобный морскому прибою, набегаящему на песчаный берег, когда ветер с юго-запада?

Открыл старец рот, дабы ответить, но, прежде чем он успел вымолвить хоть слово, за дверью послышались голоса, засим толпа расступилась, и — глядь! — подходит Девуца в одном лишь простом белом платье, в котором преодолела она пустошь, и украшал ее только венец из красных роз на голове да те же красные розы, оплетающие талию. Свежа и прекрасна она была, словно июньское утро: очи ясные, уста алые, лик сияющий, ланиты зарделись от любви и надежды. Подошла она напрямиком к Уолтеру, где тот сидел, и, мягко отстранив старца, который хотел было подвести ее к трону из слоновой кости подле королевского, опустилась пред Уолтером на колени, положила руку на его закованное в сталь колено и молвила:

— О мой господин, теперь вижу, что обманул ты меня и с самого начала был принцем крови на пути в родное королевство. Но столь дорог ты мне стал, и столь ты прекрасен и светел, и с такою добротою улыбаются мне глаза твои из-под стального шлема, что осмеливаюсь я молить: не отвергай меня сразу же, но дозвошь прислуживать тебе хоть малое время. Откажешь ли мне в сей просьбе?

Но король наклонился к ней, и поднял ее на ноги, и, взяв за руки, поцеловал их, и усадил ее подле себя, и молвил:

— Сердце мое, отныне здесь твое место, покуда не наступит ночь: на равных рядом со мною.

Тогда села она покорно и смело, сложив руки на коленях и стопы одну на другую, а король промолвил:

— Лорды, это моя возлюбленная и моя супруга. Посему, коли берете вы меня в короли, должны почитать ее как свою королеву и госпожу, а иначе отпустите нас обоих с миром.

Тогда все, кто был в покоях, воскликнули во весь голос:

— Да здравствует королева и госпожа! Да здравствует возлюбленная нашего господина!

И возглас сей шел не только из уст их, но и из самого сердца, ибо, помимо блистательной красоты ее, узрели они в ней смирение и душу высокую и тотчас же ее полюбили. Но у тех из них, кто был юн годами, при виде нее запылали щеки, и сердца их потянулись к ней, и вытащили они мечи из ножен и, потрясая ими, воскликнули, словно внезапно опьяневшие от любви:

— За королеву, за госпожу, за прекраснейшую!

Глава XXXV. О короле Града-за-стеной и его королеве

А упомянутый ранее шум тем временем казался все громче и громче королевскому уху, и вновь спросил король старца:

— Поведай же нам, что это за шум снаружи?

Отвечал старец:

— Коли поднимешься ты, о король, вместе со своею королевой, подойдешь к окну да выйдешь на галерею за ним, то сей же миг узнаешь, что сие за шум, и увидишь зрелище, что возвеселит сердце короля, едва взошедшего на трон.

Тогда король поднялся, и, взяв Деву за руку, подошел к окну, выглянул, а там вся площадь заполнена народом, набившимся столь тесно, что едва можно было стоять. Тогда вышел король на галерею вместе с королевой, по-прежнему держа ее за руку, и его лорды да советники встали за его спиной. Тотчас вознеслись крики радости и приветственные возгласы, от которых содрогнулись самые небеса, и вся площадь зашевелилась и засверкала от подбрасываемых копий, потрясаемых мечей да протянутых рук.

Деву же заговорила с королем Уолтером негромко и молвила:

— Вот и остались дикие места далеко позади, и отныне будет нам защита от врагов, что грозят жизням и душам нашим. О, благослови Боже тебя и твое доблестное сердце!

Но ничего не ответил Уолтер и молча стоял, словно во сне, однако его страсть к ней усилилась еще во сто крат, ежели только такое возможно.

Меж тем стояли в толпе внизу относительно недалеко от окна два соседа, и молвил один другому:

— Смотри-ка! Пришлец в старинных доспехах Битвы вод и подпоясан мечом, что убил вражеского короля в День сражения с неясным исходом. Несомненно, сулит нам это всем удачу.

— Да, — отвечал второй, — доспехи сидят на нем хорошо, и взор очей его светел, однако рассмотрел ли ты его спутницу и что скажешь о ней?

— Вижу, — отвечал первый, — что она прекрасна собою, однако крайне скудно одета. Помилуй, на ней одно лишь простое платье, и, кабы не балюстрада, помяни мое слово, увидали бы мы, что она босонога. В чем дело?

— Разве не видишь ты, — отвечал второй сосед, — что она не только прекрасна, но, более того, из тех, чья красота околдовывает душу мужчины, хотя едва ли кто может сказать почему. Несомненно, вытащил Град-за-стеной на сей раз удачный улов. А что до платья ее, то вижу: одета она в белое и увита розами, но столь чиста и нежна ее плоть, что делает одеяние частью ее тела и заливают сиянием, отчего кажется оно усыпанным драгоценными камнями. Увы, мой друг! Вознадеемся же на то, что нередко сия королева станет являться своему народу.

Так говорили они меж собою, а король с королевой, постояв еще какое-то время, вернулись в покои, и тогда король повелел явиться дамам из свиты королевы, дабы те увели ее и нарядили в королевское облачение. Тотчас явились прекраснейшие из благородных дам, с радостью готовые стать фрейлинами. Королю тем временем помогли снять доспехи и облачиться в великолепнейший наряд, а после отвели короля с королевой в большую залу дворца, где они сошлись на возвышении и поцеловались пред лицом лордов и других подданных, заполонивших залу. Засим на глазах у всех вкусили они хлеба и выпили одну чашу на двоих, а после вышли во двор, где к каждому из них подвели прекраснейшую белую лошадь в великолепной сбруе, и вот оседлали они лошадей и поехали бок о бок по широкому ряду, созданному расступившейся толпой, к большой церкви для благословения и коронации, и вел их один лишь безоружный оруженосец, ибо так по обычаю проходило коронование в Граде-за-стеной; вот достигли они церкви (а надобно сказать, что народ сей был крещеным), и в одиночестве ступили внутрь, и взошли на хоры, и, постояв там некоторое время, дивясь своему жребию, услышали мелодичный перезвон колоколов над головами, затем загремели трубы, зазвучал хор, и вот двустворчатые двери распахнулись и в церковь под музыку и пение вошел епископ со своими по-

мощниками, а за ними повалил народ, мгновенно заполняя церковный неф, словно прорвавшая плотину вода. Засим приблизились епископ с помощниками к королю на хорах и облобызали его с королевой. Далее последовала величественная месса, а потом был король помазан и коронован и великая радость охватила всех в церкви. Засим отправились король с королевой пешком обратно во дворец, только вдвоем, с одним лишь оруженосцем, что указывал дорогу. И на пути прошли совсем близко от двух соседей, чей разговор поведен ранее, и первый, тот, что хвалил военное облачение короля, заговорил и молвил:

— Воистину прав ты, сосед, и теперь, когда королева должным образом убрана и облачена в белую парчу, жемчугами расшитую, и на голове ее корона, вижу я несравненное ее величие, и не менее она величава, быть может, чем господин король.

Ответствовал второй:

— По моему суждению, ничуть она не изменилась: так же одета в белое, что и раньше, и чистота да нежность ее плоти — причина тому, что столь ярко сияют и переливаются жемчуга на ней, и святость тела ее освящает богатое облачение, и воистину почудилось мне, когда прошла она мимо, будто дуновение из рая достигло нашего города. И посему скажу: хвала Господу и святым угодникам за то, что послали ее жить среди нас!

Отвечал первый:

— Поистине это хорошо, но ведаешь ли ты, откуда она и какого роду-племени?

— Нет, — отвечал второй, — откуда она, мне неизвестно, но знаю точно: когда отойдет она в мир иной, те, кто идут за ней, останутся жить здесь. И какого она роду-племени, мне неизвестно, однако знаю вот что: те, кто произойдут от нее, вплоть до двенадцатого колена станут благословлять да восхвалять ее имя и будут чтить ее немногим меньше, чем саму Богоматерь.

Так говорили те двое, а король с королевой возвратились во дворец и сели за стол среди своих лордов, и последовал торжественный пир, длившийся, покуда не наступила ночь и не пришла пора людям отправляться в постели.

Глава XXXVI. Об Уолтере и Девуце во дни их правления

Поистине много часов минуло, прежде чем женщины, по велению короля, привели Девуцу в нему в опочивальню; встретил он ее и, взяв за плечи, поцеловал да промолвил:

— Не утомилась ли ты, радость моя? Не чувствуешь ли, что легло тяжким бременем на тебя пребывание в сем граде, среди людского скопища, под внимательными взглядами великих, как то чувствую я?

Отвечала она:

— А где сейчас град? Разве не одни мы здесь с тобою, как были тогда, среди гор?

Окинул он ее страстным взором, и она покраснела, и от румянца, залившего щеки, еще ярче стали казаться ее глаза.

Тогда заговорил он негромко в волнении и молвил:

— Разве не лучше ли здесь, чем в горах? Ужель до сих пор ты боишься?

Стыдливый румянец ушел с ее лица, и поглядела она на него с превеликой нежностью, и молвила ясно и твердо:

— Больше не боюсь, любимый.

И со словами сими положила она длань на пояс, что опоясывал ей чресла, и, сняв его, передала Уолтеру, и промолвила:

— Вот тебе знак: это девичий пояс, а женщина не препоясана.

И принял он пояс ее, и взял ее за руку, и обнял, и, наслаждаясь любовью, да безопасностью, да множеством счастливых дней, что сулило грядущее, говорили они о том времени, когда шли по узкому лезвию меж подлостью да страданием и смертью, и еще слаще казалась им оттого их любовь, и многое поведала она ему до зари о своих былых невзгодах, да о том, как обходилась с ней госпожа, покуда закравшийся в покои серый рассвет не явил черты ее, которые воистину были еще прекраснее, чем мнилось тому человеку в толпе, чье сердце столь пленилось ею. И так в радости встретили они новый день.

Но вот наступило утро, и, поднявшись, созвал Уолтер своих дворян да мудрецов на совет, и первым делом приказал он открыть врата темницы, накормить да одеть страждущих и устроить пир для всех людей, богачей и бедняков, высокого и низкого звания, а после держал совет по многим насущным делам и поразил советников своей мудростью да остротой своего ума, отчего некоторые из них были лишь наполовину довольны, ибо увидали, что отныне придется им уступать ему во всех вопросах. Однако мудрейшие из них тому возрадовались и уверились, что будет длиться счастливая пора, покуда жизнь его не закончится.

О деяниях же, что совершил он, дальнейших радостях его и печалях сия повесть умалчивает, как и о том, как вновь посетил он Лэнгтон и что приключилось с ним там.

В Граде-за-стеной жил он и правил, и был любим своим народом, и страх внушал недругам. Пришлось и в распре ему участвовать как дома, так и с соседями, но не был он побежден, покуда не упокоился наконец мирным сном, когда не стало в мире больше для него деяний. Нельзя сказать, чтобы оплакивали его страждущие, ибо не оставил он после себя в земле своей страждущих. И мало врагов после себя он оставил, которые ненавидели бы память о нем.

Что же до Девыцы, то столь прославилась она своей красою и добрым нравом, что радостью на целый год было для всякого, когда случалось лицезреть ее на улице или в поле. Все волшебство покинуло ее в день замужества, но мудрости и ума осталось предостаточно и даже более, чем требовалось, ибо не было ей теперь нужды в коварстве и хитрых замыслах, ведь стоило ей лишь отдать приказ, дабы исполнилась ее воля. И поистине до того любили ее подданные, что счастлив был всякий услужить ей. Коротко говоря, сделалась она благодетельницей своей земли, талисманом своего града и отрадой своего народа.

Однако с течением времени все боле угнетало ее, что она обманом заставила медведей считать себя своим божеством, и принялась она размышлять, как искупить ей вину.

И вот на втором году, с тех пор как пришли они в Град-за-стеной, отправилась Девица вместе с отрядом к тому перевалу, что вел в край медведей, и здесь оставила она своих воинов, и пустилась дальше с двумя десятками мужей, коих освободила в Граде-за-стеной от рабства, и, когда достигли они медвежьих долин, велела она им ждать в небольшой лощине со своими лошадьми, повозками, семенами и железными орудиями, а сама, одна-одинешенька, отправилась в селение сих великанов, надеясь лишь на красу свою и добрый нрав, ведь не хранило боле ее волшебство. Одета она была, как в тот раз, когда бежала из Леса за пределами мира, в одно лишь короткое белое платье с открытыми руками и не обута, но уткано было оное платье цветами, вышитыми шелком да золотом, и усыпано драгоценными камнями теперь, когда чары ее покинули.

И вот пришла она в медведям, и они тотчас ее узнали, и поклонились ей, и благословили, и преисполнились страха. Но она сказала им, что есть у нее для них дар и явилась она, дабы его вручить, а после поведала об искусстве земледелия и велела ему научиться, а когда спросили они, как им это сделать, поведала о людях, что ждали в горной лощине, и велела медведям признать их братьями и сыновьями праотцов и научиться всему у них. Поклялись они то исполнить, и тогда отвела она их туда, где ждали освобожденные, коих медведи приняли с радостью и добротой и приняли в свой народ.

И вот отправились медведи с новыми братьями домой в селение, а Девица возвратилась к своим воинам и Граду-за-стеной.

Много еще даров и вестей посылала она медведям, но никогда боле не являлась им, ибо как бы стойко она ни держалась в сей последний раз, сердце в ней замирало от страха, и чудилось ей, будто госпожа ее все еще жива, а сама она все еще беглянка, что строит козни против нее.

Что до медведей, то те процветали и множились, покуда, наконец, великая и жестокая распря не разгорелась меж ними и другими народами, ибо стали они могучи в бою, и раз за разом встречались они на поле брани с войском Града-за-стеной, и побеждали, и были побеждены. Но все это произошло многие лета спустя, после того как преставилась Девица.

Более нечего поведать об Уолтере и Девице, кроме того только, что родились у них добрые сыновья и прекрасные дочери, от которых произошла династия королей Града-за-стеной, и была та династия столь могучей и длинной, что, когда наконец пресеклась она, люди успели забыть о древнем обычае избрания королей, и посему после Уолтера из Лэнгтона никогда больше не было у них короля, что спустился бы к ним голодный и одинокий с Медвежьих гор.